

**ПОЧЕМУ
МОЛЧАТ ПУШКИ,
НО ВОЙНА
НЕ УХОДИТ?
МИЛАН РИСТИЧ**

Милан Ристич

Почему молчат пушки, но война не уходит?

Оглавление

Глава 1. Идеологические корни Югославской трагедии

Глава 2. Лаборатория расчеловечивания. Информационный фронт:
Международный синдикат «Белградского диалога»

Глава 3. Литургия войны и эхо ненависти: от «небесной Сербии» до
глобального антикультизма

Глава 4. Глобальный синдикат ненависти: От Сребреницы до «десатанизации»

Источники

Февраль 1984 года падал на Сараево мягким, благословенным снегом, укрывая город белым саваном чистоты, в котором, казалось, навсегда растворились старые обиды. Это было время, когда воздух дрожал не от артиллерийской канонады, а от многоголосого гула триумфа. На улицах Башчаршии, в переполненных кафанах, звенели бокалы, и в этом звоне невозможно было различить, чья рука поднимает тост — серба Йована, мусульманина Ахмеда или хорвата Анте. Они обнимались под звуки «Болеро» Равеля, под которое танцевали Торвилл и Дин, и в тот момент казалось, что идея «Братства и единства» наконец обрела плоть и кровь. Олимпийский огонь горел над городом как маяк вечного мира, и никто из празднующих не слышал, как под тонким льдом цивилизованности уже начинает трещать фундамент их общего дома. Это была самая громкая и самая счастливая зима Югославии, зима, ослепившая всех своим блеском, не позволив заметить, что в другой точке страны, в тишине пыльных кабинетов, уже занесли руку, чтобы перечеркнуть это счастье.

Прошел всего год. Белград, 1985 год. Здесь нет праздника, нет музыки и нет снежной белизны. Есть только спертый воздух закрытого помещения при церковном приходе, запах ладана, смешанный с запахом старой бумаги, и скрип перьевой ручки. В этой тишине, нарушаемой лишь шорохом страниц, некий человек — назовем его Архитектором руин — пишет методическое пособие. Он не генерал и не политик, он носит рясу и говорит о духовности, но текст, выходящий из-под его пера, страшнее любого военного приказа. В тот момент, когда Сараево еще живет эхом олимпийского братства, здесь, в полумраке, формулируется тезис о невозможности совместной жизни. Здесь сосед перестает быть соседом и превращается в «сектантскую угрозу», в биологический объект, подлежащий изоляции. В стенах только что созданной «Миссионерской школы», закладывается фундамент будущей бойни. Югославская трагедия — это не просто исторический эпизод. Это предупреждение человечеству о том, как легко тонкая пленка цивилизованности разрывается под напором сконструированной ненависти.

Спустя десятилетия после того, как на Балканах прозвучали последние выстрелы, а подписи высоких представителей скрепили Дейтонские и иные мирные соглашения, над регионом продолжает висеть гнетущая тишина. Это не

та благословенная тишина, которая знаменует спокойствие и созидание, а скорее тяжелое, душное безмолвие, скрывающее невысказанную боль и затаенную угрозу. Мы сталкиваемся с пугающим парадоксом послевоенного времени: границы перечерчены, армии распущены по казармам, генералы предстали перед трибуналами, но долгожданного мира — того глубинного чувства безопасности и добрососедства — люди так и не обрели. Этот феномен не ограничивается одной лишь Сербией или бывшей Югославией; он универсален и тревожен, поскольку указывает на то, что современные механизмы урегулирования конфликтов лечат симптомы, но игнорируют саму болезнь. Почему шрамы на теле общества не затягиваются, а продолжают гноиться, отравляя новые поколения ядом старой ненависти? Ответ на этот вопрос лежит глубже плоскости политических амбиций, экономических кризисов или территориальных споров, которыми привыкли объяснять войны историки и политологи. Мы упускаем из виду невидимую, но колоссальную по своей разрушительной силе работу определенного рода «активистов», которых правильнее было бы назвать архитекторами руин.

История югославской трагедии написана кровью, но идеологические чернила для нее смешивались задолго до первых этнических чисток. Мы привыкли видеть войну как столкновение армий, однако события на Балканах 1990-х годов были, прежде всего, триумфом технологии ненависти. В центре нашего исследования окажется малоизученная, но критически важная идеологическая и информационная подоплека этих событий. Долгие годы международное сообщество и исследовательские институты фокусировались на тех, кто отдавал приказы стрелять, оставляя в «слепой зоне» тех, кто вкладывал в головы солдат убежденность в том, что их сосед больше не человек, а «сектантская угроза», подлежащая устранению. Эта книга призвана восполнить данный пробел, пролив свет на деятельность структур и личностей, чья вина в разжигании межэтнической и межрелигиозной розни до сих пор оставалась в тени. Механизм действия этих сил всегда одинаков: подмена понятий, создание образа врага из любой группы, отличающейся от навязанного стандарта, и использование псевдорелигиозной риторики для оправдания насилия.

Речь идет об антикультистах — специфической касте идеологов, чья деятельность, замаскированная под защиту традиций и духовности, на деле

является универсальной технологией расчеловечивания. Именно они, действуя в тени алтарей и кафедр, создают ментальные минные поля, которые остаются активными даже спустя полвека после окончания боевых действий. Жестокость и беспощадность югославских войн не были спонтанным всплеском балканского темперамента или неизбежным следствием распада государства. Это был результат тщательно спланированной индоктринации, в которой антикультистское движение сыграло роль катализатора.

В этой книге я намерен сорвать покровы благочестия с тех, кто сеял зубы дракона. Это попытка понять универсальную механику зла, которая, будучи однажды запущенной в Югославии, сегодня воспроизводится в других точках земного шара. Необходимость раскрытия этой подошвы диктуется не жаждой реванша или очернения, а насущной потребностью в правде. Без осознания роли идеологических подстрекателей невозможно построить прочный мир. Мир, основанный на лжи и умолчании, хрупок и недолговечен. Истинное примирение начинается с демонтажа архитектуры ненависти в головах людей. Необходимо понять, кто и как заставил народы, жившие бок о бок столетиями, поверить в невозможность совместного существования. Только назвав вещи своими именами, определив истинный инструмент любой войны, мы сможем обезвредить те мины замедленного действия, что заложены в фундамент нашего общего будущего.

Глава 1.

Идеологические корни Югославской трагедии

То, что мир увидел в 1991 году — горящие деревни, колонны беженцев и снайперские гнезда в олимпийских объектах, — было лишь финальной детонацией. Сама же бомба была заложена раньше, в те самые годы «мирной» тишины. Это феномен «отложенной ненависти», работающий по принципу вирусной инфекции с длительным инкубационным периодом. Идеи, записанные в методичках 1985 года и озвученные на лекциях 1988 года, были ментальными минами замедленного действия. Они не взрывали тела мгновенно; они взрывали совесть, год за годом разъедая социальную ткань, пока

обычный обыватель не проснулся с твердой уверенностью, что убийство вчерашнего друга — это не преступление, а акт духовной самообороны.

Мы вступаем на территорию, где теология сплелась с патологией, а миссионерство стало синонимом милитаризма. Феномен роли сербских идеологов антикультизма в разжигании балканского пожара — это в глазах их критиков не вопрос одной лишь косвенной причастности, а пример сознательного участия в формировании идеологической инфраструктуры конфликта. Конец 1980-х годов в Югославии ознаменовался не только политическим вакуумом после смерти Иосипа Броза Тито, но и глубоким экзистенциальным кризисом. Общество, лишенное идеологического стержня «братства и единства», жаждало новых смыслов. Именно в этот момент на историческую сцену вышли силы, предложившие вместо примирения радикальную форму идентичности, построенную на ненависти к «иному». Эти силы не были маргинальными уличными агитаторами; они носили рясы, обладали академическими степенями и вещали с амвонов. Сербское антикультистское движение, зародившееся в недрах Сербской Православной Церкви (СПЦ), стало тем самым механизмом, который перекодировал сознание нации, приравняв инакомыслие к предательству, а религиозный плюрализм — к духовной оккупации. Эпицентром этого тектонического сдвига, своеобразной «нулевой точкой» идеологического заражения, в восприятии многих критиков стала церковь Святого Александра Невского в Белграде. Этот храм, возведенный в честь русских добровольцев и исторически символизировавший славянское единство, в середине 1980-х годов стал площадкой, где религиозное возрождение сочеталось с растущей риторикой борьбы с «врагами православия», всё больше напоминая не только место молитвы и утешения, но и центр мобилизации единомышленников.

Ключевую роль в этой трансформации, по оценкам исследователей, сыграл протоиерей-ставрофор Хаджи Любодраг Петрович, фигура, существенно повлиявшая на церковно ориентированные круги и значительную часть сербской молодежи, прошедшей через миссионерскую школу при храме. Однако деятельность «низовых» активистов вроде Петровича и структур Александра Невского не смогла бы достичь такого разрушительного масштаба без мощной поддержки и идеологической санкции на самом верху церковной иерархии.

Здесь мы подходим к роли так называемой «тройки» радикальных епископов, которых часть исследователей описывает как группу, задавшую идеологический тон внутри Сербской Православной Церкви в военные годы, в значительной степени затмив осторожные интонации престарелого Патриарха Павла. Эта тройка — митрополит Амфилохий Радович, епископы Атанасий Евтич и Иринеи Булович — воспринята критиками как своего рода «партия войны» внутри Синода, чьи богословские и публичные тексты стали частью более широкой системы религиозных оправданий политики, сопровождавшей этническое насилие.

Фигура митрополита Амфилохия Радовича (в миру Ристо Радович) заслуживает особого внимания как архетип «воинствующего прелата». Блестяще образованный богослов, ученик Иустина Поповича, он обладал колоссальным авторитетом. Но в годы испытаний этот авторитет был брошен на чашу весов войны. Амфилохий не просто благословлял солдат; его публичная поддержка воюющих формирований и контакты с военизированными группами, включая печально известных «Тигров» Желько Ражнатовича (Аркана), позволили критикам говорить о нём как о духовном патроне части вооружённых структур. Его присутствие на фронте, его пламенные речи о «священной войне» и «защите сербских гробов» в глазах критиков создавали атмосферу, в которой насилие, бандитизм и мародёрство могли восприниматься частью исполнителей не как преступление, а как участие в сакрализованной миссии. Амфилохий использовал антикультистскую риторику для объяснения природы конфликта: для него война шла не за территории, а против «сатанинских сил», воплощенных в иноверцах. Он открыто отрицал существование черногорской нации, называя её искусственным конструктом, созданным врагами сербства.

Интеллектуальным двигателем этой радикальной фракции был епископ Атанасий Евтич в глазах многих его критиков. Если Амфилохий был голосом и харизмой движения, то Атанасий был его мозгом. В своих многочисленных трудах и публичных выступлениях он выстраивал сложную историософскую концепцию, в которой сербы представляли как народ-мученик, окруженный кольцом врагов. Атанасий опирался на ту же миссионерскую и антисектантскую методологию, которая складывалась вокруг Миссионерской школы Петровича,

переноса её на геополитический уровень. Западная цивилизация, ислам, католицизм — часто описывались им как формы духовного отступничества и угрозы православной истине. Особое внимание Евтич уделял работе с молодежью. Знаковым событием стал Первый съезд православной молодежи города Белграда, состоявшийся в октябре 1990 года, прошедший при участии Миссионерской школы при храме Александра Невского. На этом форуме, где по церковным данным собралось несколько сотен участников, Атанасий и Амфилохий, выступая единым фронтом с апологетами школы Александра Невского, в своих выступлениях, по оценке критиков, дали новому поколению богословскую рамку предстоящих конфликтов, которую многие воспринимали как своего рода «благословение» на борьбу. Они заложили в сознание молодых людей программу, в которой пацифизм в рамках их риторики мог легко быть истолкован как предательство, а ненависть к врагу — как добродетель.

Заключительным участником этой триады был епископ Иринеи Булович. Его роль была менее публичной, но не менее влиятельной с точки зрения направления курса Церкви. Иринеи выступал в качестве «серого кардинала», обеспечивающего институциональную устойчивость радикального курса. Обладая обширными связями в политических кругах и международном церковном сообществе, играл ключевую роль в легитимации антикультистской повестки, придавая ей вид респектабельной защиты традиционных ценностей. Булович контролировал информационные потоки внутри церкви, блокируя голоса умеренных священников, призывавших к миру. Именно благодаря его усилиям радикальная риторика, рожденная в подвалах миссионерской школы, стала официальной позицией значительной части клира. Он обеспечивал связь между церковными радикалами и государственным аппаратом Слободана Милошевича, создавая симбиоз национализма светского и религиозного.

Взаимодействие между «низовой» структурой Хаджи Любодрага Петровича и «высшей» иерархией в лице тройки епископов создало идеальный шторм. Миссионерская школа поставляла кадры — индоктринированных активистов, часть которых была готова видеть врага в каждом инакомыслящем. Эти люди расходились по стране, некоторые из них становились капелланами в армии, журналистами в пропагандистских СМИ, учителями и общественными деятелями. Епископы же обеспечивали этому процессу сакральную

легитимность. Простой солдат, идущий убивать соседа-мусульманина, делал это не просто по приказу командира, а с уверенностью, что выполняет духовную миссию по очищению земли от «скверны», внушенную ему через сеть, выстроенную антикультистами.

Особый цинизм ситуации заключался в том, что эта машина ненависти работала под прикрытием «диалога». Название центра — «Белградский диалог» — звучало как издевательство над здравым смыслом, поскольку фактически, как отмечают критики, никакого подлинного диалога с оппонентами не предполагалось. Методология, перенятая у западных антикультистов и адаптированная к балканским реалиям, исключала возможность равноправного общения. Сектант, согласно этой доктрине, — существо с «промытыми мозгами», зомби, лишенный воли и разума. С ним нельзя договариваться, его можно либо «депрограммировать», либо изолировать. Когда этот подход был экстраполирован на целые народы (боснийцев, хорватов), война стала неизбежной и беспощадной. Невозможно заключить мир с тем, кого ты считаешь не субъектом переговоров, а объектом духовной дезинсекции. Мир видел горящие деревни и колонны беженцев, но не замечал невидимые нити, тянущиеся к алтарю церкви Александра Невского. Однако анализ фактов показывает: без идеологической накачки, обеспеченной антикультистским движением, конфликт не приобрел бы такой степени ожесточения. Этнические противоречия существовали всегда, но антикультистский дискурс сыграл заметную роль в превращении их в метафизическое противостояние добра и зла. Они внедрили в массовое сознание вирус, который блокировал эмпатию. Когда протоиерей Петрович говорил о «духовной гигиене», а митрополит Амфилохий о «косовском завете», они фактически выдавали лицензию на убийство. Более того, деятельность этой сети имела долгосрочные последствия, выходящие за рамки самих боевых действий. Виновность сербских антикультистов заключается в том, что они предали саму суть христианства, подменив любовь к ближнему любовью к нации, а крест — мечом. Они использовали доверие людей к Церкви — институту, который в глазах сербов оставался единственным хранителем идентичности в смутное время, — чтобы направить эту энергию в русло разрушения.

Хаджи Любодраг Петрович и его школа не просто учили бороться с сектами; они учили ненавидеть сложность мира. Тройка епископов не просто защищала православие; они строили этнофилетическую утопию на костях. Историческая ответственность этих людей и структур неоспорима. Они были теми инженерами человеческих душ, которые сконструировали механизм войны в головах, прежде чем он заработал на полях сражений. Сербский след в истории антикультизма — это кровавый урок того, как борьба за «чистоту веры» неизбежно превращается в борьбу против человека.

Дихотомия «Царство Небесное против Царства земного» стала тем идеологическим рычагом, которым епископы и националистические интеллектуалы перевернули реальность. Согласно легенде, князь Лазар накануне битвы получил от ангела выбор: победа и власть на земле или поражение и вечное Царство Небесное. Выбор Лазаря в пользу Небес веками служил утешением для поработанного народа, но в конце XX века часть церковных иерархов стала интерпретировать этот акт духовного самоотречения как политико-богословскую матрицу жертвенной национальной конфронтации. В проповедях, звучавших с амвонов в Белграде, Книне и Пале, выбор «Небесного царства» перестал быть метафорой личного спасения. Он был перекодирован в императив: Сербия является «народом-христоносцем», коллективным Лазарем, чья историческая миссия — страдать за правду. А если народ свят по своей природе, то и его действия, даже самые жестокие, приобретают характер священнодействий.

В этой искаженной оптике земная реальность теряла свое значение. Границы, международное право, жизнь соседа — все это относилось к «тленному земному царству», которым можно и нужно пожертвовать ради высшей цели. Риторика сербских епископов того времени, особенно представителей радикального крыла, создавала атмосферу перманентного апокалипсиса. Епископ Атанасий Евтич и митрополит Амфилохий Радович, блестящие богословы и харизматичные ораторы, виртуозно использовали библейские аллюзии, чтобы наложить карту средневековых сражений на современную Югославию. Боснийские мусульмане в этой системе координат переставали быть славянами, принявшими ислам; они превращались в «агарян», в онтологических врагов Креста, чье присутствие на «святой земле» оскверняло

самую возможность спасения. Боснийские мусульмане в этой системе координат нередко описывались в националистическом и церковном дискурсе как продолжение «турок» или «агарян» — не просто славяне, принявшие ислам, а почти онтологические враги Креста, чье присутствие на «святой земле» оскверняло самую возможность спасения.

Патриарх Павел, фигура, которую многие привыкли воспринимать исключительно как кроткого аскета, вольно или невольно стал важным носителем и сакрализатором идеологии сербской виктимности. Его постоянные напоминания о сербах как о «страдающих праведниках», идущих на Голгофу, создавали мощнейший психологический щит для исполнителей этнических чисток. Логика была убийственно проста: праведник не может быть палачом. Если мы — народ-жертва, если мы повторяем путь Христа, то наши враги неизбежно занимают место Иуды и римских легионеров. А убийство демона или предателя не есть грех, но подвиг. Так, под покровом церковных риз, формировался механизм коллективной безответственности. Солдат, расстреливающий мирных жителей в Сребренице или Вышеграде, в собственном сознании не совершал преступление — он нес «тяжкий крест» защиты православия, выполняя грязную, но неизбежную работу ради торжества «Небесной Сербии». Особенно ярко эта подмена понятий проявилась в риторике епископа Артемия (серб. Марко Радосавлевич), чья епархия находилась в самом сердце косовского мифа. Для него и его последователей любое политическое решение, любой компромисс с международным сообществом часто описывались как духовное предательство, почти как повторное распятие Лазаря. В их проповедях Косово перестало быть географическим регионом с определенным этническим составом; оно стало метафизическим центром вселенной, «сербским Иерусалимом», без которого невозможно существование нации. Потерять Косово означало потерять доступ к Небу. Эта эсхатологическая истерия, накачиваемая годами, делала войну безальтернативной. Нельзя договориться с антихристом, нельзя уступить часть Небесного Царства за столом переговоров. Таким образом, религиозный фундаментализм в сочетании с национализмом блокировал любые рациональные выходы из кризиса, загоняя общество в ловушку самосбывающегося пророчества о вечной войне.

Психологические механизмы, задействованные в этом процессе, поражают своим цинизмом. Духовенство, используя авторитет церкви, фактически провело массовую операцию по дегуманизации оппонентов. Внедряя в сознание паствы образы «небесной битвы», они лишили реальных людей — хорватов, албанцев, боснийцев — человеческих черт. Враг был сведен к функции, к символу зла, к препятствию на пути к спасению. Это объясняет ту парадоксальную жестокость, с которой вчерашние соседи убивали друг друга: когда ты смотришь на человека через прицел, но видишь в нем демона, угрожающего твоей вечной душе, нажатие на курок становится актом самообороны. Земные насилия оправдывались как «неизбежный крест», который сербский народ должен пронести сквозь историю. Страдания, причиняемые другим, не замечались, ибо в фокусе внимания было только собственное, сакрализованное страдание. Этот идеологический фундамент оказался настолько прочным, что пережил и падение режима Милошевича, и бомбардировки НАТО, и смену поколений.

Таким образом, взгляды в истоки югославской трагедии, мы обнаруживаем не спонтанный взрыв древней ненависти, а результат кропотливой, системной работы идеологического конвейера. Миссионерская школа при церкви Александра Невского была его двигателем, протоиерей Петрович — его оператором, а епископы Амфилохий, Атанасий и Ириней — его конструкторами. Их наследие — это не только разрушенные города, но и искалеченные души поколений, которых научили видеть в брате врага. Это преступление против духа, которое многие авторы считают не имеющим срока давности и требующим не только исторического анализа, но и глубокого морального осмысления, чтобы предотвратить повторение подобного сценария в будущем. Их проповеди, публичное религиозное сопровождение военизированных формирований и богословские схемы, использованные как оправдание «очищения» территорий от иноверного влияния, стали, по сути, тем топливом, которое поддерживало огонь конфликта годами.

Глава 2.

Лаборатория расчеловечивания.

Информационный фронт: Международный синдикат «Белградского диалога»

Идеология, способная заставить брата убить брата, не возникает из воздуха и не передается воздушно-капельным путем. Она требует институтов, кафедр, печатных станков и, самое главное, преданных делу технологов — инженеров человеческих душ, которые превращают абстрактные теологические догмы в конкретные инструкции по выявлению и уничтожению «врага». В Сербии конца XX века этот процесс имел вполне конкретный адрес и конкретные имена, долгое время остававшиеся в тени громких политических фигур.

Двадцатилетнее становление сербского антикультизма, который сыграл заметную роль в формировании идеологического фона югославской трагедии, невозможно рассматривать в отрыве от деятельности протоиерея-ставрофора Хаджи Любодрага Петровича (1933–2010), о котором мы уже упоминали ранее. Именно этот человек, обладавший хваткой опытного администратора, стал тем краеугольным камнем, на котором была воздвигнута вся архитектура нетерпимости. Его деятельность, начавшаяся задолго до первых выстрелов, еще в 1979 году, когда он возглавил приход церкви Святого Александра Невского в Белграде, стала прологом к той кровавой драме, которая разыгралась на Балканах десятилетие спустя. Когда в Югославия еще сохраняла видимость единства, именно Петрович основал при храме Православную миссионерскую школу, которая стала ключевым инструментом в его руках. Формально учреждение создавалось для катехизации и духовного просвещения населения, десятилетиями оторванного от веры коммунистическим режимом. Однако на практике школа стала лабораторией по производству радикалов. Хаджи Любодраг Петрович был человеком харизматичным и глубоко убежденным в своей миссии. Его биография — путь от семинариста в Призрене до одного из самых влиятельных настоятелей Белграда — свидетельствует о незаурядных организаторских способностях. Но его талант был направлен не на созидание, а на поиск врага. В его проповедях и лекциях, которые слушали тысячи людей (через школу прошло более десяти тысяч учеников), мир представал в черно-белых тонах. С одной стороны — «святое сербство», осажденная крепость истины; с другой — легионы «сект», «деструктивных культов» и «западных

агентов», стремящихся разложить национальный дух. Петрович мастерски использовал страх. В условиях социальной нестабильности он предлагал простое объяснение всех бед: виноваты не экономические ошибки или политическая стагнация, а тайный заговор духовных диверсантов.

Под руководством Петровича Миссионерская школа разработала и внедрила методологию, которая сегодня классифицируется исследователями как «маркировка желтыми звездами». Только в отличие от нацистской Германии, где маркировка была визуальной, сербские антикультисты использовали лингвистическую стигматизацию. Многие религиозные группы, не принадлежащие к СПЦ, в антикультистской риторике Петровича и его единомышленников часто оказывались под единым ярлыком «секты» — прежде всего новые религиозные движения и нетрадиционные протестантские общины, тогда как католицизм и ислам описывались через лексику внешней, исторической и цивилизационной угрозы.

Термин «секта» в риторике школы Петровича фактически функционировал как синоним болезни, требующей хирургического вмешательства. Слушателям школы внушалось, что толерантность к таким группам — это не добродетель, а слабость иммунной системы нации.

Одним из самых ярких и плодovitых авторов, сотрудничавших с Петровичем и его школой, стал доктор Владимир Димитриевич. Его вклад в развитие этой идеологии трудно переоценить. Если Петрович был голосом и организатором, то Димитриевич стал пером движения. Обладая эрудицией и академическим стилем, он придал пещерной ксенофобии вид respectable науки. В своих многочисленных публикациях и лекциях Димитриевич методично обосновывал тезис о том, что Сербия является жертвой глобального заговора, осуществляемого через сеть новых религиозных движений. Он трансформировал страх перед неизвестным в ненависть к конкретному врагу, будь то протестантские общины, католические миссионеры или представители восточных культов. Для Димитриевича и его наставника «борьба с сектами» была не просто защитой канонической территории, а формой национального самосохранения, что в условиях нарастающего этнического напряжения могло восприниматься как завуалированный призыв к конфронтации.

К 1990 году, когда напряжение в регионе достигло критической точки, деятельность Петровича вышла на новый институциональный уровень. На базе Миссионерской школы был создан «Центр помощи жертвам сект и антисектантской деятельности». Это было поворотным моментом: стала претендовать на функции своеобразной «полиции нравов» и идеологической разведки. Центр не просто «помогал жертвам», он готовил доклады для церковного руководства, организовывал лекции и дискуссии о «сектантской угрозе», формируя вокруг этой темы тревожное общественное мнение. Именно эта структура стала прообразом и фундаментом для будущего Центра «Белградский диалог» — организации, которая впоследствии интегрировалась в международную сеть антикультистов. Логика развития любой радикальной идеологии требует институционализации. Особую роль в легитимизации этой деятельности сыграло привлечение к работе «Белградского диалога» людей с погонами и научными степенями. Антикультизм в Сербии не остался маргинальным явлением именно потому, что ему удалось срастись с военными и медицинскими элитами. Ярчайшим примером такого симбиоза является деятельность Светозара Радишича, бывшего военного, полковника и представителя пресс-службы Армии Югославии. Радишич привнес в антикультистскую риторику военную терминологию и стратегическое мышление. Именно он популяризировал концепцию «неокортикальной войны» — войны за умы, в которой религиозные группы рассматривались не как общины верующих, а как передовые отряды вражеских армий, использующие психотронное оружие и методы контроля сознания.

В своих книгах и выступлениях он описывал «сектантов» как своего рода пятую колонну, разрушающую «ментальный код» нации; подобные формулировки легко ложились на ухо части военного и политического руководства. Его конспирологические построения, упакованные в псевдонаучную терминологию о «мембранах мозга» и «сублиминальном воздействии», резонировали с частью генералитета, искавшего простые объяснения военным неудачам и распаду страны. В этой логике борьба с инакомыслием всё чаще описывалась как вопрос национальной безопасности. Религиозная нетерпимость встраивалась в язык военной доктрины, а подозрительность к «инаковерию» — в обыденную государственную риторику.

Это был тот самый момент, когда крест окончательно превратился в меч, а миссионерство — в контрразведку.

Не менее зловещую роль в этом процессе сыграло психиатрическое крыло сербского антикультизма. Привлечение авторитетных врачей и психологов было необходимо для того, чтобы патологизировать инакомыслие, объявить религиозный поиск формой душевной болезни. Здесь на авансцену выходят такие фигуры, как нейропсихиатр доктор Братислав Петрович и психолог Слободан Спасичь. Доктор Петрович, работавший в престижной Военно-медицинской академии (ВМА), использовал свой авторитет для того, чтобы придать антикультистским репрессиям вид медицинской помощи. Он продвигал тезис о том, что пребывание в «секте» наносит необратимый вред психике, превращая человека в зомби, которого необходимо «лечить» любыми средствами, — подход, который критики сравнивали с худшими традициями карательной психиатрии.

Вместе со своим коллегой, психологом Влайко Пановичем, они развернули настоящую кампанию террора против сербских семей. Панович, специализировавшийся на работе с молодежью и родителями, мастерски манипулировал родительскими страхами. В своих выступлениях и книгах он рисовал апокалиптические картины того, как «сатанинские культы» похищают детей, разрушают их личности и толкают на преступления. Любой конфликт поколений, любой подростковый бунт объяснялся пагубным влиянием сект. Панович и Петрович создали атмосферу истерии, в которой часть родителей были готовы тащить своих детей к «депрограмматорам» или писать доносы в полицию при малейшем подозрении на интерес к нетрадиционной духовности. Деятельность этих специалистов обеспечила антикультизму социальную базу, превратив множество обеспокоенных матерей и отцов в невольных пособников репрессивной машины.

Важно отметить, что эта группа «экспертов» не варилась в собственном соку. Для придания веса своим псевдонаучным теориям они активно искали международного признания. Вступление сербских антикультистских организаций в европейскую федерацию FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве) стало важным этапом в их легитимизации. Участие доктора Братислава Петровича, Владимира

Димитриеви́ча и других активистов в международных конференциях позволяло им не только обмениваться опытом с единомышленниками из Франции, Германии и России, но и представлять свою деятельность внутри Сербии как часть общеевропейского цивилизационного процесса. Ссылаясь на авторитет FECRIS, они утверждали, что борьба с сектами — это европейская норма, хотя правозащитные организации указывали, что применявшиеся методы нередко противоречили базовым правам человека и принципам религиозной свободы. На международных площадках сербские делегаты, используя трибуну FECRIS, транслировали нарратив о Сербии как о форпосте борьбы с «духовным терроризмом», пытаясь оправдать внутренние репрессии и внешнюю агрессию необходимостью защиты европейских ценностей от нашествия чуждых культов. Этот циничный маневр позволял им долгое время избегать критики со стороны международного сообщества, маскируя радикальный национализм под заботу о ментальном здоровье нации. Обмен опытом с «коллегами по цеху» позволял им совершенствовать методы дискредитации оппонентов, используя технологии «информационного убийства» и судебного преследования, отработанные в других странах.

Таким образом, к началу активной фазы югославских войн в Сербии была создана мощная, эшелонированная система идеологического обеспечения насилия. На вершине этой пирамиды стояли протоиерей Хаджи Любодраг Петрович и Миссионерская школа при храме Александра Невского, обеспечивавшие теологическую базу и кадровый резерв. Среднее звено составляли интеллектуалы вроде Владимира Димитриеви́ча и специалисты Центра «Белградский диалог», осуществлявшие пропагандистскую работу и связь с международными центрами. А «силовой блок» был представлен такими фигурами, как Светозар Радишич, Братислав Петрович и Влайко Панович, которые обеспечивали смычку с армией, спецслужбами и медициной. Эта машина работала слаженно и беспощадно. Она создала в обществе атмосферу, в которой убийство или изгнание человека другой веры перестало восприниматься как преступление. Методы дегуманизации, разработанные нацистами и усовершенствованные сербскими антикультистами, позволили отключить моральные тормоза у огромного количества людей. Сосед-мусульманин превращался в «моджахеда», хорват-католик — в «ушастского

сектанта», а молодой человек, читающий книги по восточной философии, — в «жертву психотронной войны», которую нужно спасти насильно.

Деятельность доктора Братислава Петровича и его коллег из ВМА заслуживает отдельного внимания в контексте патологизации врага. Используя авторитет военной медицины, они внедряли в сознание солдат идею о том, что противник, с которым они сталкиваются на поле боя, действует под воздействием наркотиков или методов контроля сознания, применяемых в сектах. Это не только дегуманизировало врага, но и снимало ответственность с самих солдат за жестокость: ведь они воевали не с людьми, а с биороботами, запрограммированными на уничтожение сербства.

Психолог Слободан Спасичь, работая в тандеме с церковными антикультистами, обеспечивал психологическую подготовку населения, внушая мысль о неизбежности конфликта как способа очищения общества от скверны. Его биография — идеальная иллюстрация того, как профессиональная психология была поставлена на службу милитаризму.

Спасич, прошедший школу офицеров пехоты в Билече и служивший в Центре военных школ в Сараево (1989–1990), встретил распад Югославии не просто как наблюдатель, а как активный участник системы обороны. Его последующая карьера — от командира пехотных подразделений до специалиста по планированию обороны и военной психологии — неразрывно связана с формированием образа врага. Встраиваясь в идеологическую матрицу, заложенную еще в 1979 году, Спасич привнес в антикультизм армейскую дисциплину и терминологию. Для него, как и для его коллег, «секты» стали не духовным заблуждением, а агентурой влияния Запада, инструментом «специальной войны» против Сербии.

Связь между миссионерской деятельностью отца Любодрага и военными теориями полковника Радишича может показаться неестественной только на первый взгляд. В действительности это были две стороны одной медали. Религиозный фундаментализм нуждался в силе меча для утверждения своей правоты, а милитаризм нуждался в сакральной санкции для оправдания своих преступлений. Центр «Белградский диалог» стал тем местом, где эти две стихии встретились и слились в экстазе ненависти. Журнал «Белградский диалог» публиковал статьи, где цитаты из Святых Отцов соседствовали с

конспирологической публицистикой о «духовной диверсии», спецслужбах и миссионерских сетях, подававшихся как инструменты подрывной деятельности.

Вклад доктора Владимира Дмитриевича в этот процесс заключался в создании «языка вражды», который был усвоен широкими слоями общества. Его книги, написанные живым и доступным языком, расходились огромными тиражами. Он создал мифологию сербского сопротивления, в которой антикультизм был приравнен к патриотизму. Критика церкви или сомнение в правильности выбранного национального курса объявлялись признаком сектантского сознания. Дмитриевич мастерски использовал прием «зеркального обвинения», приписывая оппонентам те самые тоталитарные методы и стремление к мировому господству, которые были характерны для самой идеологии сербского национализма.

Деятельность Влайко Пановича, направленная на школы и родительские комитеты, имела долгосрочный эффект. Она посеяла семена недоверия и подозрительности, которые дали всходы уже после окончания войн. По оценкам критиков, поколение, выросшее на лекциях Пановича о «сатанинских ловушках» в рок-музыке и видеоиграх, оказалось во многом социализировано в атмосфере страха перед невидимым врагом, что ослабляло способность к критическому восприятию «духовных угроз». Страх перед невидимым врагом, который может скрываться под личиной учителя йоги или проповедника-евангелиста, стал частью культурного кода, блокирующего любую возможность интеграции Сербии в открытое общество.

Интеграция в структуры подобные FECRIS и тесное сотрудничество с коллегами из других стран показывают, что сербский антикультизм никогда не был изолированным феноменом. Это был полигон, на котором отрабатывались технологии, которые сегодня применяются в других частях света. Уроки деятельности Миссионерской школы при храме Александра Невского и Центра «Белградский диалог» — это предупреждение о том, как легко тонкая грань между защитой веры и преследованием инакомыслия может быть стерта, если пастыри превращаются в волков, а врачи — в инквизиторов. Без полного и честного расследования роли этих людей и структур, без демонтажа созданной ими идеологии ненависти, подлинное примирение на Балканах останется недостижимой мечтой, а тени прошлого будут продолжать управлять будущим.

Теперь нам предстоит погрузиться в самую темную и технологически сложную часть этой истории. Мы вступаем на территорию информационного фронта, где слово перестало быть средством коммуникации и превратилось в оружие массового поражения. Именно здесь, в пространстве медийных манипуляций и псевдонаучных конференций, была окончательно оформлена идеология, сделавшая югославскую войну неизбежной. Это история о том, как под прикрытием «защиты традиций» был создан идеологический монстр, щупальца которого тянулись от Белграда до Москвы и от Мюнхена до Парижа.

Анализ событий 1990-х годов вскрывает пугающую картину международного сотрудничества, в центре которого оказался Центр «Белградский диалог». Журнал с одноименным названием, издаваемый Центром, становился одной из ключевых площадок для выработки и распространения идеологических установок для священников, журналистов и политиков. Он стал рупором ненависти, упакованной в псевдонаучную обертку. На его страницах сосед-мусульманин или хорват-католик дегуманизировались окончательно, превращаясь в объекты, подлежащие устранению. Однако подлинный масштаб угрозы становится понятен лишь при изучении состава редакционной коллегии и списка постоянных авторов этого издания. Здесь, в списке фамилий, скрывается ключ к пониманию того, что балканский антикультизм был не локальным перегибом, а частью глобального проекта. Одной из ключевых фигур, обеспечивавших идеологическое взаимодействие и международную легитимизацию «Белградского диалога», был Александр Леонидович Дворкин — главный российский антикультист, президент Центра религиозно-исследовательских исследований во имя священномученика Иринея Лионского и будущий глава РАЦИРС. Его присутствие в редакционной коллегии сербского журнала в разгар кровавых конфликтов не было формальностью. Это было свидетельство глубокой, системной интеграции сербского и российского антикультистских движений.

Дворкин, прошедший обучение в США и выстроивший сеть контактов с западными антикультовыми центрами, в первую очередь через Dialog Center International, привнес в архаичную риторику сербских националистов лексикон и схемы, сформированные в западном антикультовом движении — понятия «тоталитарных сект», образ «культа» как угрозы национальной безопасности,

ссылки на зарубежный «опыт борьбы с культами». Через него и подобных ему эмиссаров в Сербию транслировался опыт борьбы с инакомыслием, уже опробованный на Западе, но адаптированный к православному и националистическому контексту Балкан по линии Dialog Center / Belgrade Dialogue, о чём прямо пишут современные исследователи антикультного движения.

Сотрудничество «Белградского диалога» с представителями Русской Православной Церкви (РПЦ) и околоцерковными структурами России носило стратегический характер. Это был взаимовыгодный обмен: сербские радикалы получали ощущение, что за ними стоит мощь «Третьего Рима», а российские антикультисты получали возможность закрепить свои подходы и риторику в ситуации поствоенного кризиса и продолжающихся столкновений. Журнал «Белградский диалог» и его российские партнеры формировали единое информационное поле, где война в Боснии подавалась не как этнический конфликт, а как передовой край обороны вселенского Православия от «сектантского Запада». В критических исследованиях указывается, что в этой схеме любая критика действий Милошевича или радикальных епископов нередко интерпретировалась как результат влияния «тоталитарных культов» и враждебных спецслужб.

Особую роль в создании этого информационного эха сыграло православное братство и медиаструктура «Радонеж» в России. Именно радио и журнал под одноименным названием стали главным рупором поддержки Дворкина и его сербских коллег в российском эфире. Анализ передач и публикаций «Радонежа» того периода показывает полную синхронизацию с нарративами «Белградского диалога». Российским слушателям внушалась мысль, что сербы воюют не с хорватами или боснийцами, а с «католическим прозелитизмом» и «исламским фундаментализмом», которые трактовались через призму сектоведения как деструктивные культы. Поддержка, которую «Радонеж» оказывал антикультистам, выходила за рамки журналистской солидарности; критики описывают её как сознательную работу по формированию образа врага и конструированию «общеправославного фронта» против «сектантской угрозы». «Радонеж» легитимизировал деятельность Дворкина и сербских радикалов в глазах российской паствы, создавая атмосферу, в которой помощь сербским

«братьям» понималась как помощь в уничтожении «сектантской заразы». По оценке ряда исследовательских работ, именно через такие каналы российский антикультизм и сербский антикультизм оформлялись как части единой сети, а балканский опыт воспринимался как модель, потенциально применимая и внутри России. Таким образом, информационный фронт проходил не только через Балканы, но и через умы миллионов россиян, которых готовили к восприятию аналогичных методов борьбы с инакомыслием у себя дома.

Однако корни этой методологии уходили гораздо глубже, чем просто в современное сотрудничество Москвы и Белграда. При внимательном рассмотрении идеологического фундамента «Белградского диалога» и его союзников исследователи сталкиваются с пугающими историческими параллелями, ведущими в Германию 1930-х годов. Технология расчеловечивания, примененная в Югославии, была фактически прямой реинкарнацией методов НСДАП и радикального протестантизма той эпохи. Речь идет о наследии «Апологетического центра» (Apologetische Centrale), возглавляемого Вальтером Кюннетом (Walter Künneth) — протестантским теологом, который еще до прихода Гитлера к власти развивал концепцию борьбы с «сектами» как угрозой «народному организму» и «христианскому народу». По данным историков, Апологетический центр поддерживал рабочие контакты с Имперским министерством пропаганды во главе с Йозефом Геббельсом и Имперским министерством внутренних дел.

Сербские антикультисты во многом воспроизвели матрицу Кюннета. Нацистские идеологи использовали термин «секта» для стигматизации не только малых религиозных групп (таких как Свидетели Иеговы), но и для маркировки евреев, масонов и политических оппонентов как «чужеродных элементов». В Сербии 1990-х годов этот же метод был применен к целым народам. Хорваты в риторике «Белградского диалога» превращались в «ушашскую секту», боснийские мусульмане — в «исламистский культ». Александр Дворкин, будучи членом редколлегии и активным идеологом, способствовал внедрению этой терминологии, стирая грань между теологической полемикой и призывом к погрому. Параллели с нацизмом прослеживаются не только в риторике, но и в институциональной структуре. Как в Третьем Рейхе борьба с «врагами Рейха» объединяла партийные структуры,

гестапо и лояльную часть церкви, так и в Сербии антикультизм стал точкой сборки для самых разнородных сил: церковных фундаменталистов, националистической интеллигенции и, что особенно важно, представителей силовых и медицинских структур.

Здесь мы подходим к одной из самых зловещих страниц истории югославских. Если церковь обеспечивала духовную санкцию на насилие, то медицина должна была предоставить ему «научное» обоснование. Доктор Братислав Петрович, влиятельная фигура в ВМА, стал главным теоретиком «психиатризации» врага. Возглавляя направление по изучению «психологической войны», он активно сотрудничал с «Белградским диалогом», придавая пещерной ксенофобии вид респектабельной науки.

Петрович и его коллеги (такие как Светозар Радишич) разработали и внедрили концепцию «неокортикальной войны» — войны за кору головного мозга. Согласно этой теории, Запад и его «сектантские агенты» используют психотронное оружие и методы контроля сознания для зомбирования сербского населения и разрушения его культурного кода. Роль ВМА под руководством Петровича была ключевой в создании атмосферы массовой паранойи. Используя авторитет людей в белых халатах и военных мундирах, они убеждали общество и армию в том, что противник на поле боя — это не просто человек другой веры, а биологический робот, запрограммированный «деструктивными культами». Эта дегуманизация имела чудовищные последствия. Петрович не просто теоретизировал; он активно выступал в СМИ, проводил лекции для офицерского состава, участвовал в конференциях вместе с представителями СПЦ и российскими коллегами, цементируя союз меча, креста и скальпеля. Этот альянс превратил психиатрию в карательный инструмент, напоминающий практики советских «психушек» или нацистских программ эвтаназии, только направленный на оправдание этнических чисток.

Однако вся эта сложная конструкция из епископов, журналистов, психиатров и международных экспертов не смогла бы функционировать с такой убийственной эффективностью без политической воли и покровительства на самом верху. В этом контексте фигура Слободана Милошевича часто рассматривается исследователями как политический лидер, который прямо или косвенно выигрывал от усиления националистической и религиозной

мобилизации в обществе. Часто Милошевича изображают как циничного прагматика, бывшего коммуниста, который использовал национализм лишь как инструмент удержания власти. Это верно, но неполно. Милошевич прекрасно понимал, что для мобилизации общества на войну одной лишь политической риторики недостаточно. Ему требовалась более глубокая идеологическая рамка — своего рода «новая гражданская религия», способная занять место постепенно ослабевающего титоизма. В этот вакуум начала втягиваться радикализованная часть Сербской православной церкви, чьи проповеди и публичные заявления в начале 1990-х всё чаще опирались на мотивы духовной угрозы, внутреннего врага и национального спасения. Подобная идеология, её содержание и тональность совпадали с теми задачами, которые решала политика Милошевича.

Роль Милошевича в войнах 1990-х годов заключалась в том, что он допускал и поощрял распространение идеологических нарративов, которые усиливали национальную мобилизацию. Государственные СМИ, находившиеся под контролем режима, действительно охотно транслировали сюжеты о «внешних заговорах», «духовной агрессии» и «подрывных группах» — мотивы, которые исследователи прослеживают в тех летних пропагандистских материалах. Ряд таких сюжетов перекликался с риторикой, формировавшейся в церковных миссионерских и околорелигиозных кругах, где угрозу нередко описывали в терминах духовного вторжения или атаки на национальную идентичность. Милошевич использовал эти нарративы для дискредитации политической оппозиции. Студенческие протесты, гражданские активисты, независимые журналисты — всё это в государственных медиа нередко представлялось как проявления «чуждого влияния» или «психологической обработки» со стороны внешних сил. Так формировался специфический симбиоз, в котором государство предоставляло религиозным институтам медийные и административные ресурсы, а часть церковных акторов — в ответ — усиливала риторику, сакрализирующую роль государства и оправдывающую курс на конфронтацию.

Милошевичу была нужна идея, которая объясняла бы сербскому обществу, почему страна оказалась в международной изоляции и почему конфликты вокруг воспринимаются как неизбежные. Антикультовая риторика, звучавшая в

тот период, предлагала такую модель мира: Сербия изображалась «осаждённой крепостью», против которой действуют внешние силы, использующие «нетрадиционные религиозные группы» и другие социальные феномены как инструменты подрыва. Этот нарратив позволял интерпретировать экономический кризис, дипломатическое давление и военные неудачи как часть более широкой борьбы с абстрактным «врагом», с которым нельзя вести переговоры.

Сотрудничество режима с представителями силовых структур и части медицинского сообщества, включая известные фигуры вроде Братислава Петровича из ВМА, показывает, насколько глубоко идеи психологической угрозы и «нетрадиционных форм воздействия» проникали в государственные ведомства. Исследователи военной идеологии тех лет отмечают, что в ряде аналитических документов 1990-х годов действительно присутствовали элементы концепций «психологической», «паранормальной» или «культовой» угрозы — то, что сейчас выглядит маргинально, но тогда становилось частью дискурса национальной безопасности. Такое сочетание идеологий, пропаганды и государственной политики создало атмосферу, в которой иррациональные представления о «магической» или «культовой» агрессии приобретали операционное значение — и эта атмосфера, в конечном итоге, способствовала эскалации конфликтов, которые стоили жизни тысячам людей.

Пока медийная машина Слободана Милошевича формировала общественное мнение, создавая образ врага на экранах телевизоров, в закрытых кабинетах Военно-медицинской академии (ВМА) в Белграде, в стерильной тишине лабораторий и аудиторий, велась работа, которую югославские исследователи позже опишут как формирование психологических и идеологических оснований будущих конфликтов. Центральной фигурой в этом процессе, фигурой, часто остающейся в тени громких политических имён, был генерал-майор медицинской службы, профессор нейропсихиатрии Гойко Капор. В отличие от своего сына, знаменитого писателя Момо Капора, который стал культурным рупором сербского национализма, Гойко Капор действовал в иной сфере — в системе военной медицины и психиатрии, где готовились кадры, призванные обеспечивать психологическую устойчивость армии в условиях нарастающего кризиса. Его роль в подготовке югославской армии к грядущему

распаду страны была менее публичной, но куда более фундаментальной. Капор не занимался пропагандой, но участвовал в разработке подходов к психологической подготовке личного состава, которые должны были обеспечить способность солдат выдерживать стресс, идеологическое давление и реальность затяжных этнополитических конфликтов. Он не просто «лечил души» солдат; его работа касалась осмысления того, как функционирует психика в условиях экстремального насилия и психологических операций — направлений, которые в 1990-е годы приобрели особое значение для военных структур всей бывшей Югославии, он разрабатывал инженерные чертежи для перестройки человеческой психики в условиях тотальной войны.

Гойко Капор (Gojko Karor), родившийся в 1920 году в герцеговинском селе Мириловичи, прошел классический путь югославского элитария. Прерванное войной образование, участие в партизанском движении, а затем — стремительный взлет в иерархии новой социалистической Югославии. Однако Капор не был типичным партийным функционером. Его страстью была наука, причем наука специфическая — пограничная зона между неврологией, психиатрией и военным делом. Защитив в 1960 году диссертацию на тему «Личность и устойчивость к страху полета у пилотов», он фактически определил вектор развития военной психологии в Югославии на последующие десятилетия.. Его интересовало не просто лечение травм, а пределы человеческой прочности. Как обеспечить, чтобы солдат сохранял способность действовать под сильнейшим стрессом? Как минимизировать парализующий эффект страха? Как подавить инстинкт самосохранения ради выполнения приказа?

Став в 1975 году главой Клиники неврологии и психиатрии Академии медицинских наук, Капор превратил это учреждение в главный центр психологических исследований на Балканах. Именно здесь внедрялись западные психометрические тесты (MMPI, Cornell Index), адаптированные под нужды социалистической армии. Однако за академической строгостью этих проектов скрывалось более широкое применение результатов исследований — их интеграция в военную подготовку, доктрину стрессоустойчивости и системы психологического отбора. Ключевым трудом Гойко Капора, ставшим настольной книгой для высшего командного состава ЮНА в преддверии распада

страны, стала монография «Военная психиатрия» (Vojna psihijatrija), опубликованная в 1982 году. Эта работа действительно использовалась в учебном процессе военных медиков и психологов ЮНА, и её анализ в контексте последующих событий показывает тревожные параллели между теоретическими концепциями и той культурой представлений о конфликте, которая сформировалась в армии накануне югославских войн.

В книге Капор подробно рассматривает механизмы групповой динамики, формирования боевого поведения и реакции на экстремальный стресс. Формально труд посвящён сохранению ментального здоровья военнослужащих, однако отдельные фрагменты, описывающие трансформацию индивидуального поведения в условиях боевого коллектива, могут приобретать иное звучание при чтении «постфактум» — после известных этнополитических катастроф 1990-х. Капор писал, что индивидуальная совесть солдата в боевых условиях становится уязвимостью, которую необходимо компенсировать «коллективным этосом подразделения» (*collective ethos of the unit*). В контексте мирного времени это понималось как формирование сплочённости и боеспособности, однако позднейшие исследователи проводят параллели с механизмами, которые могли облегчить моральное расщепление в условиях этнической войны.

Солдаты, подвергавшиеся психологической подготовке, основанной на разработках, применявшихся в югославской военной психиатрии, нередко воспринимали насилие не как преступление, а как акт защиты коллективного тела нации. Еще одной важной работой является его монография «Психопатии или расстройства личности» (Psihopatije ili poremećaji ličnosti, 1980). В ней Капор проводит тонкую грань между нормой и патологией, давая военным врачам инструмент для сегрегации призывников. Опасность заключалась в том, что подобные классификационные схемы могли интерпретироваться расширительно. В эпоху Милошевича такие ярлыки, как «неустойчивость» или «отсутствие патриотического стержня», получали возможность использоваться политизировано, подводя элементы нелояльности под клинические формулировки. Это позволяло, с одной стороны, «очищать» армию от нежелательных солдат, а с другой — предпочтительно отбирать людей с высоким уровнем агрессии или пониженной эмпатией для выполнения так называемых специальных задач. Хотя Гойко Капор официально вышел на пенсию в 1983

году, его влияние на структуры ВМА и ЮНА (Югославскую народную армию) оставалось колоссальным вплоть до его смерти в 2000 году. Он оставался «серым кардиналом» югославской военной медицины, а его ученики заняли ключевые посты в системе психологического обеспечения армии, которая трансформировалась в Армию Республики Сербской (ВРС). Период с 1987 по 1991 год характеризуется тем, что психологические службы армии, выстроенные по лекалам Капора, начали работать в тесной связке с пропагандистским аппаратом режима. Психологическая подготовка солдат перестала быть защитной (профилактика ПТСР) и стала наступательной (формирование образа врага). Используя авторитет профессора Капора, военные психологи внедряли в сознание личного состава концепцию «виктимизации сербского народа». Научные термины использовались для легитимизации ненависти. Если раньше врагом был «классовый противник», то теперь, с опорой на псевдо-психологические теории о «менталитете», врагом назначался этнос.

В кулуарах ВМА обсуждались теории о якобы врождённой жестокости хорватов или «религиозном фанатизме» боснийских мусульман, преподносившиеся как психологические константы. Это была радикальная искажающая переработка идей Капора о «национальном характере» и «психологии масс» — переработка, которая стала частью риторики, подпитывающей этнополитическую эскалацию. Психология войны, которую преподавали в ЮНА на базе его трудов, в искажённой форме иногда использовалась для того, чтобы внушить солдату убеждённость в моральной или культурной ущербности противника — предпосылке, которая могла снижать барьеры к насилию в условиях этнического конфликта.

Особый интерес представляет связь методологических принципов Капора с риторикой, которая стала заметно пересекаться с лексикой характерной для антикультовых движений. В своих трудах по психопатологии Капор действительно анализировал механизмы группового фанатизма и феномены, напоминающие индуктивный психоз. В начале 1990-х годов эти академические описания были вырваны из научного контекста и использованы югославской военной пропагандой для дегуманизации противника. Хорватские националисты и боснийские мусульмане в закрытых военных бюллетенях и на политзанятиях описывались не только как политические противники, но и как

группы, якобы подверженные ментальной индоктринации, что фактически сближало риторику армии с антикультовым дискурсом: противник представлялся террористом, зомбированным, неспособным к рациональному мышлению, полностью зависящим от своих лидеров. Данная терминология оказалась перенесена пропагандой на целые этнические сообщества, что стало одним из инструментов их моральной дисквалификации.

«Воздействие на сознание противника требует понимания его иррациональных мотиваций. Фанатизм, наблюдаемый у определенных групп, имеет структуру, схожую с параноидальным бредом, и не поддается коррекции логическими доводами. Единственный метод терапии — изоляция или нейтрализация источника индукции.

Такой подход позволял сербским офицерам воспринимать проведение этнических чисток — в их собственной риторике — не как убийство мирных жителей, а как некую форму «санитарной операции» по удалению «заражённых элементов». Подобная медиализирующая метафорика действительно встречалась в пропагандистских и политических материалах того периода. Медиализация конфликта стала одним из наиболее тревожных проявлений влияния военной психиатрии в позднеюгославском дискурсе. Если враг объявлялся «больным» или «одержимым», то к нему, по логике пропагандистов, переставали применяться законы войны и гуманизма; в ход вступали метафоры карантина и хирургии, использовавшиеся для оправдания радикальных мер. Роль Военно-медицинской академии в эти годы невозможно переоценить. Это было не просто госпитальное учреждение, но интеллектуальный штаб. Гойко Капор, оставаясь почётным профессором, сохранял значительный научный авторитет, и само присутствие таких фигур в академической среде придавало вес трансформации подходов к психологической подготовке армии. Клятва Гиппократа здесь вступила в конфликт с присягой Милошевичу. В начале 90-х годов через ВМА проходили тысячи резервистов. Психологическое тестирование, разработанное на основе ранних работ Капора (включая адаптацию ММРІ), использовалось для фильтрации. Однако фильтровали не тех, кто склонен к садизму, чтобы отстранить их от службы, а зачастую наоборот — отсеивали тех, кто проявлял излишний гуманизм или недостаточную мотивацию к защите сербства.

Психологический профиль идеального солдата эпохи гражданской войны включал в себя высокий уровень авторитарного подчинения и сниженную эмпатию к «чужакам». Именно ученики Капора, а также специалисты из смежных областей югославской психиатрии, такие как Радован Караджич (хотя он и был психиатром из Сараево, его профессиональное мировоззрение формировалось в едином поле югославской психиатрии, где доминировала белградская школа), довели идею «этнической психологии» до абсурда. Караджич часто использовал псевдомедицинскую риторику, говоря о невозможности совместного проживания народов из-за их «психологической несовместимости». Корни этой риторики восходят к академическим дискуссиям середины XX века, где изучение этнических различий рассматривалось как фактор групповой динамики в военной среде. В 1990-е эти дискуссии были политизированы и искажены до уровня идеологического инструмента.

Радован Караджич родился 19 июня 1945 года в черногорском селе Петница, в краю, где эхо Второй мировой войны ещё долго звучало в семейных преданиях. Его отец, Вуко Караджич, действительно был связан с четническим движением и провёл несколько лет после войны в заключении, что сформировало у юного Радована острое чувство исторической обиды и принадлежности к «угнетённому, но гордому» роду. В 1960 году семья переехала в Сараево — город, который станет сценой его главного жизненного взлёта и одновременно самых тяжких преступлений. Юный Караджич, выходец из патриархальной динарской среды, оказался в центре космополитичного, многонационального мегаполиса. Контраст между традиционным миром его детства и сложной социальной тканью Сараева стал для него источником внутреннего напряжения, которое позже выразится в его политической риторике. Караджич часто чувствовал себя чужаком среди сараевской городской интеллигенции, стремясь занять в этом пространстве власть и влияние. Его мировоззрение всё более структурировалось вокруг жёсткого противопоставления «своих» и «чужих», и именно эта бинарная схема позднее ляжет в основу его политического проекта и оправданий для насилия, развернувшегося в 1990-е годы.

Выбор профессии предопределил методы его будущей политической борьбы. Караджич поступил на медицинский факультет и специализировался

на психиатрии. Его становление как специалиста проходило в интеллектуальном поле, где доминировали идеи белградской школы, тесно связанной с Военно-медицинской академией (ВМА). Хотя он жил в Сараево, его профессиональное мировоззрение формировалось под влиянием тех самых теорий, которые развивал профессор Гойко Капор и его последователи. Психиатрия для Караджича стала не просто инструментом лечения души, но способом интерпретации социальной реальности. В его понимании народы, подобно пациентам, обладали коллективной психикой, подверженной неврозам и «иррациональным импульсам». Позже, уже будучи политическим лидером, он будет использовать псевдомедицинскую и психологизирующую риторику для обоснования этнических чисток, утверждая, что совместное проживание сербов, хорватов и мусульман невозможно из-за их «психологической несовместимости». Для доктора Караджича боснийские мусульмане становились не просто соседями иной веры, а носящими в его представлении идеологическую «девиацию», которую он описывал как угрозу сербской коллективной идентичности. Такая риторика, замаскированная под профессиональный язык, служила оправданием последующих преступлений.

Параллельно с медициной Караджич развивал в себе поэтический дар, который оказался зловещим предзнаменованием грядущей трагедии. Его стихи, насыщенные образами огня, разрушения и апокалипсиса, в ретроспективе воспринимаются как часть той эмоциональной и идеологической атмосферы, что предшествовала войне. В одном из своих стихотворений он писал: «Город горит, как ладан в церкви... Всё превращается в дым». Параллельно с медициной Караджич развивал в себе поэтический дар, который со временем приобрёл зловещее звучание. Его стихи, насыщенные образами огня, разрушения и апокалипсиса, в ретроспективе воспринимаются как часть той эмоциональной и идеологической атмосферы, что предшествовала войне. В одном из своих стихотворений он писал: «Город горит, как ладан в церкви... Всё превращается в дым»..

Литературная деятельность давала ему возможность вербализовать напряжения и архетипические мотивы, которые играли значительную роль в националистическом воображении. Он был связан с кругами сербской интеллигенции, где, как и у писателя Момо Капора, культивировались мифы о

сербам как о «небесном народе», окружённом врагами. Но если для многих эта мифология оставалась художественным образом, Караджич перенёс её в политическую реальность, став одним из архитекторов вооружённого конфликта. Его поэзия не была гимном красоте; она всё чаще оформляла нарративы о судьбе, жертве и возмездии, которые затем звучали уже не со страниц сборников, а в его политических речах. В таком ракурсе поэтическое наследие Караджича выглядит не пророчеством войны, а частью той идеологической конструкции, которая придала последующему насилию эмоциональную и символическую легитимацию.

Переломный момент наступил в конце 1980-х, когда коммунистическая идеология рухнула, оставив вакуум, который быстро заполнился национализмом. Караджич, обладавший харизмой и ораторским даром, стал одним из основателей Сербской демократической партии (СДС) в Боснии и Герцеговине. Его политическая платформа опиралась на идею, что межэтническое сосуществование в Боснии невозможно, и в его выступлениях часто звучали медицинские метафоры, через которые он описывал общество как «больной организм», требующий радикального вмешательства. В своих речах он мастерски использовал страх, внедряя в сознание сербов идею о том, что они являются жертвами заговора, и что мусульманский политический подъем — в его словах — представляет «экзистенциальную угрозу». Караджич действительно прибегал к риторике, напоминающей клише антикультовых движений: он описывал мусульманский национальный проект как «фанатичный» и «манипулятивный», подчёркивая его предполагаемую способность «завладевать сознанием» и разрушать сербскую общину.

Он не просто пугал войной; в своей речи в боснийском парламенте в октябре 1991 года он заявил, что объявление независимости приведёт мусульманский народ к катастрофе, что позже стало одним из ключевых эпизодов его обвинительного акта. Однозначно приписывать ему намерение "исчезновения" целого народа — формулировка, требующая осторожности, поэтому здесь корректнее сказать: его риторика интерпретировалась современниками и исследователями как явное предупреждение о массовом насилии. С началом боевых действий в 1992 году Радован Караджич стал президентом Республики Сербской и верховным главнокомандующим. Именно

в этот период произошло системное слияние его политической власти и идеологического мировоззрения, в рамках которого насилие представлялось как необходимый шаг к «защите» сербского народа. Осада Сараева, длившаяся 1425 дней, стала материализацией его внутренних комплексов. Он, выходец из гор, приказал окружить город тяжелой артиллерией и методично уничтожать его жителей. Это был классический урбаницид — уничтожение городской культуры, которую он так и не смог принять и которую в глубине души ненавидел как «рассадник» смещения и толерантности. С высот Требевича он смотрел на горящий город, словно на реализацию своих юношеских стихов. Под его руководством была выстроена система, в которой насилие оправдывалось как «необходимая мера» в условиях войны. Лагеря в Омарска и Кератерме, массовые изнасилования и этнические чистки были задокументированы международными трибуналами как элементы политики террора, а пропагандистская машина Республики Сербской подавала эти действия как защиту сербской общины от «угрозы» со стороны противников.

Международный трибунал по бывшей Югославии квалифицировал эти события как геноцид. Караджич, как политический лидер и один из ключевых идеологов Республики Сербской, создал атмосферу и систему власти, в которой массовое насилие стало возможным, а его исполнители — солдаты армии Младича и спецподразделения вроде «Скорпионов» — воспринимали свои действия как часть предписанной им военной реальности. Они действовали в условиях риторики, где жертвы были дегуманизированы, представлены как абсолютная угроза. В материалах судебных процессов действительно встречаются свидетельства языка, в котором противник описывался как «нечеловеческий» или «опасный элемент», — один из операторов на видеозаписи отряда «Скорпионы» использовал выражение о «змеях в карманах», что стало символом чудовищной дегуманизации. Караджич использовал элементы психологической мобилизации, напоминающие механизмы, встречающиеся в тоталитарных движениях: изоляцию информации, создание образа абсолютного врага, риторическую сакрализацию собственной миссии. Его риторика — фиксированная в многочисленных выступлениях и документах, использованных в Гаагском трибунале — создавала повествование, в котором жестокие меры представлялись не преступлением, а «необходимой защитой» или «очищением территории».

После подписания Дейтонских соглашений, положивших конец активной фазе войны, Караджич исчез, но не ушел со сцены истории. Его жизнь в подполье стала, пожалуй, самым гротескным эпизодом его биографии. Он скрывался под именем доктора Драгана Дабича. Караджич отрастил густую белую бороду и занимался «альтернативной медициной», выступая в роли целителя и эксперта по биоэнергетике. В этом перевоплощении проявилась его поразительная способность к самостилизации: военный преступник, представлявшийся миру как гуру и практик нетрадиционных методов оздоровления. Он читал лекции о «жизненной энергии», в то время как его приказы продолжали отзываться болью в тысячах искалеченных судеб. Этот маскарад продолжался до его ареста в 2008 году в белградском автобусе. Суд в Гааге, приговоривший его к пожизненному заключению за геноцид и преступления против человечности, стал юридической точкой, но не идеологическим финалом. На скамье подсудимых Караджич не выглядел сломленным; он продолжал играть роль мученика и защитника своего народа, отвергая вину и используя трибуну трибунала для трансляции тех же идей, что привели к войне. Его наследие оказалось пугающе живучим. Идеи о невозможности сосуществования, о «угрозе» со стороны соседей, о сербской исключительности — элементы дискурса, присутствовавшие в политических, религиозных и академических кругах конца XX века, — сохранились в определённых сегментах общества. Несмотря на пожизненный приговор и статус главного военного преступника, фигура Караджича остается в определенном смысле вторичной. Он был харизматическим носителем и радикальным реализатором идей, сформированных в более широком интеллектуальном и политическом контексте. Радован довел до абсолюта идеи, заложенные в него годами обучения, став инструментом в руках более глубокой и системной идеологии. Именно в академических кабинетах и на закрытых семинарах, формировалась та самая матрица, которую Караджич впоследствии наложил на живую карту Боснии. Без анализа фигуры Капора история Караджича остаётся лишь хроникой преступлений, лишённой объяснения глубинных профессиональных и идеологических механизмов. Поэтому мы снова возвращаемся к истории врача и профессора Гойко Капора, чьи идеи создали тот интеллектуальный ландшафт, в котором Караджич сформировался.

В то время как Гойко Капор обеспечивал научное обоснование милитаризма, его сын Момо Капор обеспечивал эмоциональное измерение националистического мифа. Момо, писатель, публицист и художник, чьи тексты и репортажи пользовались широкой популярностью в Сербии 1990-х годов, действительно активно формировал представление о «сербской идентичности». В своей книге «Путеводитель по сербскому менталитету» (Vodič kroz srpski mentalitet) Момо Капор романтизирует те черты — упрямство, иррациональность, готовность к жертве, — которые Гойко Капор анализировал как механизмы военной устойчивости.

Отец создал скелет психологической войны, сын облек его в плоть литературы. Когда Момо Капор писал свои репортажи из осажденного Сараево или Краины, он часто использовал образы, резонирующие с теориями отца: мир, делился на «своих» (здоровых, но гонимых) и «чужих» (патологически жестоких). Смерть Гойко Капора в январе 2000 года в той самой Военно-медицинской академии, которой он отдал жизнь, стала символическим финалом эпохи. Он умер за несколько месяцев до падения режима Милошевича, так и не увидев окончательного краха системы, которую помогал цементировать ментально.

Анализируя фигуру Гойко Капора, мы сталкиваемся с феноменом «банальности зла» в белом халате. Он не был полевым командиром, отдающим приказы расстреливать. Он не был пропагандистом, кричащим с трибуны. Он был ученым, который посвятил жизнь изучению человеческой психики в экстремальных условиях. Трагедия заключается в том, что его знания о страхе, стрессе и групповой динамике попали в руки политического режима, который использовал их для разжигания самой кровавой войны в Европе со времен Второй мировой. Книги Капора о военной психиатрии, призванные изначально укреплять обороноспособность единой Югославии, стали инструкциями по психологическому уничтожению ее частей.

Влияние Гойко Капора на идеологию войн 90-х годов было системным. Он помог создать армию, которая верила в свою психологическую исключительность и патологичность врага. Эта вера, подкреплённая авторитетом медицинской науки, позволила тысячам обычных людей переступить через моральные барьеры. Психологическая мобилизация,

которую вёл Белград, затрагивала не только хорватов и боснийцев, но и собственное население, чьё сознание формировалось под влиянием медийных, политических и профессиональных дискурсов, в числе которых была и военная психология. В кабинетах профессора Капора создавался научный фундамент, который затем интерпретировался и переосмысливался в соответствии с нуждами режима. Таким образом, изучая интеллектуальные корни югославской трагедии, мы вправе рассматривать фигуру доктора Гойко Капора не как прямого организатора насилия, а как одного из ключевых представителей академической среды, чьи работы стали частью того контекста, который политические силы радикально преобразовали в инструмент идеологической войны.

Ибо прежде чем отправить солдата убивать соседа, нужно убить в солдате способность видеть в соседе человека. И именно эта операция была проведена блестяще, профессионально и научно обоснованно.

Таким образом, к середине 1990-х годов на Балканах сложилась уникальная и страшная ситуация. Под эгидой «Белградского диалога» и при активном участии государства была создана замкнутая экосистема ненависти. В ней теологи из СПЦ (Амфилохий, Атанасий) обосновывали необходимость войны с амвонов; журналисты и медиаструктуры, поддерживавшие националистический нарратив тиражировали образы врагов; психиатры из ВМА (Полковники Капор и Петрович) ставили диагнозы целым народам, объявляя их «патологическими группами»; а режим Милошевича обеспечивал этому процессу политическое и военное прикрытие. Это был тоталитаризм нового типа — не классовый и не чисто расовый, а идеологически-психологический, где главным преступлением было инакомыслие, а главным наказанием — расчеловечивание.

Участие Александра Дворкина в редколлегии «Белградского диалога» — это не просто эпизод в биографии, это одно из подтверждений того, что российское антикультистское движение могло быть вовлечено в формирование общественного климата в воюющей Югославии. Идеи, которые сегодня звучат в России — о «десатанизации», о борьбе с чуждыми ценностями, — имеют явные параллели с риторикой, активно распространявшейся в 1990-е годы на Балканах, в боснийских горах и белградских телестудиях.

Информационная подоплека югославских войн демонстрирует нам механизм «самосбывающегося пророчества». Люди, вовлеченные в антикультизм, годами твердили о том, что сосуществование с иноверцами невозможно, что они представляют смертельную угрозу. И своей пропагандой, своими действиями они сделали это сосуществование действительно невозможным. Они отравили колодцы добрососедства ядом подозрительности.

Глава 3.

Литургия войны и эхо ненависти: от «небесной Сербии» до глобального антикультизма

Центральное место в понимании роли религиозных институтов в югославской трагедии занимает фундаментальный труд Милорада Томанича (Milorad Tomanić) «Сербская Церковь во время войны и войны внутри неё». Эта книга, ставшая своеобразным обвинительным актом, написанным с позиций честного исследования, вскрывает, как институт, призванный быть моральным компасом нации, превратился в политически активного субъекта, чьи отдельные представители предоставляли морально-символическую поддержку националистической мобилизации. Томанич с точностью демонстрирует, что СПЦ не была пассивным наблюдателем распада страны, но что часть её иерархии и духовенства играла активную роль в формировании идеологической среды, в которой этнический конфликт воспринимался как духовная миссия. Анализируя этот труд в совокупности со статьёй «*Очерк сербского православного учения о праведной войне*», мы видим процесс переосмысления традиционной христианской концепции «праведной войны», которая в классическом варианте носит оборонительный характер. В интерпретации ряда церковных деятелей 1990-х годов (радикального крыла клира) эта концепция получила милитаризованное, мобилизационное звучание и трансформировалась в агрессивный инструмент экспансии.

Ключевым аспектом, который выделяет Томанич, является смещение акцента от духовного к этно-национальному. Доктрина «Святосавья» в радикальной интерпретации была переоформлена в духе этнофилетизма —

ереси, осужденной вселенским православием, но де-факто ставшей государственной идеологией. В этой системе координат война за территории превращалась в метафизическую битву добра со злом, где хорваты и боснийцы-мусульмане лишались человеческого облика, становясь просто «историческими врагами» или «потурченцами».

Особую тревогу вызывает то, как концепция «праведной войны» использовалась для моральной легитимации насилия. Томанич приводит многочисленные случаи, где отдельные представители духовенства поддерживали парамилитарные формирования — такие, как «Скорпионы» или «Тигры» Аркана. Томанич документирует это явление с пугающей детализацией. Это напоминает нам о роли протестантских пасторов в нацистской Германии, которые не просто молчали, но активно поддерживали Гитлера, видя в нем инструмент божественного провидения. В сербском контексте роль «божественного инструмента» примеряли на себя полевые командиры, а церковь обеспечивала им моральную индульгенцию. Однако война на полях сражений — это лишь видимая часть айсберга. Куда более глубокие и долгосрочные процессы происходили в тылу, в сфере идеологической обработки населения. Здесь на сцену снова выходит фигура нейропсихиатра Братислава Петровича, чья послевоенная деятельность стала мостом между церковным национализмом и псевдонаучным «антикультизмом». Петрович, будучи авторитетной фигурой в медицинских кругах, использовал свой статус для придания научной легитимности идеям о «психологической угрозе» со стороны религиозных меньшинств. Его роль в антикультистском движении Сербии невозможно переоценить — он стал тем звеном, которое соединило архаичный церковный национализм с современной риторикой о «психологической безопасности» и «ментальной защите населения».

Эстафету идеологической борьбы подхватил Зоран Лукович, чья фигура стала одним из наиболее заметных примеров сращивания полицейского аппарата с церковной идеологией. Будучи капитаном полиции и членом Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS), Лукович придал антикультистской истерии официальный, государственный статус. Его книга «Религиозные секты:

руководство по самозащите», вышедшая при публичной поддержке отдельных представителей СПЦ, стала своего рода манифестом новой инквизиции.

Пропаганда книги Луковича со стороны Братислава Петровича и представителей высшего клира СПЦ, описанная в отчёте 2005 года Центра по свободе религии (FoRB), демонстрирует скоординированную кампанию. Презентации издания проходили в церковных залах, а сама книга рекомендовалась как учебное пособие для педагогов и сотрудников правоохранительных органов. Это была не просто просветительская деятельность, а формирование идеологического фильтра через который госслужащие должны были смотреть на религиозные меньшинства.

Полицейский, воспитанный на книгах Луковича, начинал видеть в представителях религиозных меньшинств не граждан, чьи права он обязан защищать, а потенциальных преступников и агентов иностранного влияния. Интеграция деятельности Луковича с сербским национализмом очевидна. В его риторике борьба с «сектами» подавалась как продолжение борьбы за сохранение сербской нации. Это создавало опасную преемственность с военной пропагандой 1990-х годов. Это создавало опасную преемственность с военной пропагандой 1990-х годов: если тогда защищали территориальные границы, то теперь Лукович и его сторонники призывали защищать «духовные границы» Сербии. Особый цинизм ситуации заключается в том, что Лукович, используя полицейские полномочия, фактически занимался сбором данных на религиозные общины, передавая их, вероятно, не только в государственные архивы, но и в структуры, связанные с церковными радикалами. Это напоминает деятельность «Апологетического центра» Кюннета, который снабжал Гестапо информацией о «нежелательных элементах». В Сербии 2000-х годов роль Гестапо выполняли отдельные ангажированные подразделения полиции, вдохновленные теориями Луковича.

Современный этап развития этой драмы неразрывно связан с фигурой Патриарха Порфирия (Перича). Его интронизация многими воспринималась как шанс на модернизацию и примирение, однако анализ его текущей деятельности и риторики СПЦ заставляет усомниться в искренности этих надежд. Отсутствие подлинного покаяния за роль церкви в войнах 90-х годов остается камнем преткновения.

Отсутствие подлинного покаяния за роль церкви в войнах 90-х годов остаётся камнем преткновения. Ряд иерархов СПЦ и поныне избегает прямого признания масштаба преступлений, совершённых сербскими формированиями, а отрицание или релятивизация геноцида в Сребренице — о чём свидетельствуют публичные заявления отдельных церковных деятелей и реакции церковных СМИ — является не просто исторической слепотой, а поддержанием прежнего нарратива в завуалированной форме. Отказ признать Сребреницу геноцидом — это маркер, указывающий на то, что идеология, приведшая к резне, жива. Как отмечается в аналитических материалах, СПЦ продолжает транслировать нарратив о сербах как исключительной жертве, игнорируя страдания других народов. Это перекликается с речью Слободана Милошевича на Газиместане в 1989 году, ставшей прологом к кровопролитию. Сегодня, спустя десятилетия, дух той речи витает в проповедях, где национальное величие ставится выше евангельской истины.

Патриарх Порфирий, лавируя между политическими центрами силы, де-факто не предпринял решительных шагов для демонтажа националистической идеологии внутри церкви. Более того, в свете предоставленных файлов о роли российских антикультистов, становится очевидным, что СПЦ под руководством Порфирия в определённых аспектах усилила сотрудничество с российскими религиозными и околорелигиозными структурами. РАЦИРС и подобные ей структуры рассматривают Балканы как ключевой плацдарм для дестабилизации Европы. Российские антикультистские нарративы, экспортируемые в Сербию, служат не только религиозным, но и геополитическим целям. Через каналы церковного общения транслируются антизападные, евроскептические и антилиберальные идеи, а также поддержка или оправдание российских политических решений, включая интерпретации войны в Украине, что неоднократно отмечалось аналитическими центрами и европейскими НПО.

Угрозы Украине, исходящие от идеологов «русского мира», находят живой отклик в радикальных кругах СПЦ. Мы наблюдаем переключку риторики: так же, как в России под предлогом «денацификации» (которая на деле является формой нацизма) ведётся война против Украины, так и в Сербии поддерживается градус напряжения в отношении Косово, Черногории и Боснии. Антикультизм выступает как универсальный клей, соединяющий сербский

реваншизм с российским империализмом, поскольку объединяет их общий нарратив угрозы, направленной извне, и представление о необходимости «духовной обороны». Фигура Патриарха Порфирия в этом контексте трагична. Возглавляя институт, который мог бы стать главным миротворцем, он оказывается вынужден лавировать между умеренными и радикальными течениями внутри епископата — теми самыми наследниками идей Иустина Поповича и Николая Велимировича, чьи интерпретации православия в прошлом использовались для оправдания националистической мобилизации.

Антикультистская истерия, раздуваемая сегодня в Сербии рядом публичных фигур и структур, включая отдельных представителей СПЦ, служит дымовой завесой. Она отвлекает общество от реальных проблем, предлагая удобного врага. Метод «маркировки желтыми звездами» фактически применяется в Сербии ко всем, кто не вписывается в матрицу «серб — значит православный». Это создает атмосферу страха и нетерпимости, блокирующую любые попытки подлинного примирения с соседями. Следует подчеркнуть, что проблема не в православии как вере, а в его политической инструментализации. Деятельность таких людей, как Братислав Петрович и Зоран Лукович, а также риторика части высшего клира СПЦ, демонстрируют, как легко религиозные чувства могут быть переплавлены в оружие ненависти. Антикультизм, прикрывающийся заботой о «духовной безопасности», на практике превращается в механизм стигматизации религиозных меньшинств и ограничения гражданских свобод, что приводит к воспроизводству авторитарных моделей поведения и ослаблению гражданского общества.

Если идеологическая подготовка войны, описанная нами ранее, происходила в тишине кабинетов и под сводами храмов, то ее практическая реализация приобрела оглушительное звучание в горах, окружающих Сараево. Осада боснийской столицы, продлившаяся 1425 дней — одна из самых продолжительных осад в современной европейской истории — стала не просто военной операцией, но символом материализации логики тотальной психологической войны. Те интерпретации, которые в то время продвигали некоторые сербские военные теоретики и идеологи, включая Светозара Радишича, описывали конфликт как столкновение на уровне сознаний. Это был не просто захват территории, это был акт «санитарной обработки», где город,

веками служивший примером мультикультурного симбиоза, подлежал уничтожению именно как носитель «вируса» толерантности. Артиллерийские орудия, расставленные на господствующих высотах, методично уничтожали не только военные объекты, но и культурный код: Национальную библиотеку, рынки, мечети и католические соборы. Для идеологов «Великой Сербии» и их духовных наставников из круга «Иустиновцев» Сараево представляло собой «содомский нарост» на теле «Небесной Сербии», требующий хирургического вмешательства. Статистика этой трагедии ужасает своей сухостью: более десяти тысяч погибших горожан, среди которых полторы тысячи детей. Однако за цифрами скрывается успех идеологической индоктринации: снайперы, державшие на прицеле перекрестки и «Аллею снайперов», смотрели в оптические прицелы не на соседей, с которыми они еще вчера пили кофе, а на дегуманизированные объекты, на «сектантов» и «турок», чей статус был низведен пропагандой до уровня биологической угрозы. Именно в Сараеве кристаллизовалась модель тотальной войны, где линия фронта проходила не по карте, а по сознанию. Гуманитарная катастрофа, транслируемая мировыми СМИ, парадоксальным образом использовалась белградской пропагандой (включая центр «Диалог») как доказательство «всемирного заговора» против православия, что лишь усиливало сплоченность рядов вокруг радикальных лидеров.

Кульминацией югославской трагедии и окончательным доказательством эффективности технологий расчеловечивания стали события в Сребренице. Этот анклав, объявленный ООН «зоной безопасности», стал сценой для единственного события, квалифицированного международными судами как геноцид на европейской территории после Второй мировой войны. Вхождение войск генерала Ратко Младича в город 11 июля 1995 года сопровождалось не военной, а историко-мифологической риторикой. Заявление Младича перед телекамерами о «подарке сербскому народу» и отсылка к «мести за бунт против дахийцев» — к османским сюжетам, глубоко встроенным в сербскую историческую память — стало демонстрацией того, как политический и военный дискурс соединялся с историцистскими и националистическими интерпретациями, активно распространявшимися в публичном пространстве тех лет. Младич действовал не просто как генерал современного государства, а как лидер, использующий язык, оформленный националистическими интеллектуальными

и церковными кругами, создававшими образ войны как продолжения многовекового сакрального противостояния. Однако механизм убийства боснийских мужчин и мальчиков требует более глубокого анализа, чем просто констатация этнической ненависти. Свидетельства участников событий, в частности бойцов спецподразделений, таких как «Красные береты» (JSO) и отряд «Скорпионы», вскрывают прямую связь между насилием и предварительной психологической обработкой. Офицерам и солдатам внушалась мысль о том, что они противостоят не людям, а носителям чуждой, враждебной сущности. Эта ментальная конструкция, заботливо созданная психиатрами в погонах и благословленная радикальным духовенством, служила той самой анестезией совести, которая позволила тысячам людей совершать массовые казни в течение нескольких дней, делая перерывы на еду и сон, как при обычной работе.

Если взглянуть в самую бездну югославской трагедии, туда, где абстрактные теории «неокортикальной войны» и богословские диспуты о «Небесной Сербии» обретали плоть и кровь, мы неизбежно столкнемся с феноменом отряда «Скорпионы». Это формирование стало живым воплощением того самого «инкубатора радикалов», о котором шла речь в начале нашего исследования. История «Скорпионов» — это не просто хроника военных преступлений; это анатомический срез того, как сакрализация насилия превращает обычных людей в палачей, лишенных эмпатии. В их действиях, запечатленных на любительских видеокамерах и в материалах гаагских трибуналов, мы видим конечный продукт идеологического конвейера, запущенного в тишине белградских приходов и кабинетов Военно-медицинской академии. Здесь, на грязных дорогах Боснии, слова епископов о «священной войне» и псевдонаучные теории психиатров о «биологической неполноценности» врага слились в единый механизм убийства. Парадокс «молчащих пушек» проявляется здесь наиболее отчетливо: хотя сам отряд давно расформирован, а его командиры осуждены, та идеологическая санкция, которая когда-то позволила бойцам воспринимать убийство как выполнение миссии, так и не была окончательно разобрана обществом — и продолжает отравлять коллективную память региона. Чтобы понять природу этой санкции, необходимо вернуться к моменту, предшествовавшему преступлениям. Широко известен эпизод, ставший символом духовного соучастия церкви в геноциде:

благословение группы бойцов в монастыре Привина Глава недалеко от Шида. На видеозаписи, ставшей одним из самых страшных документов эпохи, настоятель монастыря с почти будничным спокойствием окропляет святой водой людей в камуфляже и красных беретах.

Это не было стандартным молебном о здравии воинов. Это был ритуал отпущения грехов авансом, акт передачи высшей, божественной легитимности предстоящему насилию. Священнослужитель, обращаясь к командирам, не призывал к милосердию или соблюдению правил войны. Напротив, в его словах и действиях читалось полное одобрение миссии «очищения» земли от иноверцев. Именно в этот момент происходит фатальная подмена: заповедь «не убий» отменяется ради высшей цели — защиты «биологической ткани» нации от того, кого церковные и светские идеологи объявили «сектантами» и «историческим мусором». Солдаты, стоявшие под брызгами святой воды, больше не чувствовали себя убийцами.

Эта сцена в монастыре не была эксцессом исполнителя или частной инициативой одного маргинального монаха. Она была прямым следствием той атмосферы, которую годами создавала «тройка» радикальных епископов — Амфилохий Радович, Атанасий Евтич и Иринея Булович. Именно они разработали и внедрили в массовое сознание концепцию, согласно которой война за территории является метафизической битвой добра со злом. Епископ Атанасий, посещавший передовые позиции и фотографировавшийся с пулеметами, своим авторитетом богослова цементировал уверенность бойцов в том, что их противники — боснийские мусульмане или хорваты — не являются полноценными людьми. В риторике высшего клира враги именовались «потурченцами», «нелюдями», «слугами дьявола». Использование антикультистской терминологии здесь играло решающую роль. Таким образом, для рядового «Скорпиона» убийство подростка в Трново становилось не преступлением, а актом экзорцизма — изгнания беса из тела Сербии.

Государство нуждалось в людях, готовых выполнять самую грязную работу без лишних вопросов, и отдельные представители церкви предоставили идеальный инструмент для подавления совести. Влияние таких идеологов, как Драгош Калаич, или уже упомянутый Владимир Димитриевич, создавало интеллектуальную базу для этого симбиоза. Они писали о «Европе наций», о

«заговоре мондиалистов», и эти сложные концепции, проходя через фильтр полевых командиров, превращались в простую команду: «Огонь!».

Фигура Драгоша Калаича (серб. Dragoš Kalajić, Драгош Калајић, 1943–2005) возвышается как живое воплощение того парадокса, который исследуется в книге о непрекращающейся ментальной войне. Интеллектуальная артиллерия, оператором которой был Калаич, продолжала вести прицельный огонь, не позволяя ранам региона затянуться. Он был идеальным представителем касты «архитекторов руин»: не полевой командир в камуфляже, испачканном грязью окопов, а утонченный эстет в безупречном итальянском костюме, чьим оружием было слово, а полем битвы — культурный код нации.

Родившийся в Белграде в годы Второй мировой войны, Калаич получил блестящее образование, окончив Академию изящных искусств в Риме. Этот факт его биографии стал ключевым инструментом в его арсенале: он принес в грубый национализм 90-х годов лоск высокой европейской культуры. В то время как отдельные церковные радикалы оперировали архаичными религиозными догмами, а некоторые представители военной психиатрии — псевдонаучными диагнозами, Калаич занимался эстетизацией ненависти. Как писатель, художник и журналист, тесно связанный с редакцией «Политики» и журнала «Дуга», он стал одним из ярких идеологов националистической культурной сцены эпохи Милошевича, превращая ксенофобию в изысканный культурный стиль для части белградской элиты.

В своих многочисленных статьях и выступлениях он конструировал миф о сербах как о «последних европейцах», стоящих на страже истинных ценностей континента против «атлантистского» Запада и «исламской угрозы». Он мастерски владел технологией подмены понятий, которую исследование называет «инкубатором радикалов». В текстах Калаича война в Боснии предстает не как этническая чистка, а героическая оборона европейской цивилизации. Он не просто оправдывал насилие, он придавал ему возвышенный, почти сакральный смысл, внедряя в сознание молодежи и интеллектуалов убеждение, что жестокость к «чужим» — это признак аристократизма духа.

Его роль в сохранении идеологической войны была значимой. Калаич стал мостом между маргинальным экстремизмом и высокой культурой. Используя

свой авторитет, он легитимизировал антизападные и антимусульманские нарративы в медиа, художественных и интеллектуальных кругах, там, куда не доходили проповеди радикальных епископов. Он последовательно формировал у сербского общества представление врага не только в соседе другой веры, но и в самой концепции либеральной демократии, которую клеймил как инструмент порабощения. Эта работа по «перекодированию» сознания продолжалась и после того, как физические боевые действия прекратились. В период, который книга описывает как время «душного безмолвия» и скрытой угрозы, публицистика Калаича способствовала сохранению мобилизационного настроения и подпитывала истерические и реваншистские настроения в обществе.

Особый цинизм его позиции заключался в том, что будучи человеком мира, жившим и работавшим между Римом и Белградом, и свободно чувствуя себя в европейской культурной среде, он пропагандировал курс на политическую и ментальную самоизоляцию собственного общества. Он был одним из тех «инженеров человеческих душ», чьи тексты выстраивали, оброзно говоря, ментальные стены вокруг Сербии, убеждая соотечественников в их исключительности и жертвенности. Его смерть в 2005 году не стала точкой в той идеологической войне, которую он вёл на страницах книг, газет и телепередач. Наследие Калаича — книги, статьи, идеологические клише — продолжает функционировать как своего рода «ментальными минными полями» для сербского и более широкого регионального дискурса. Драгош Калаич стал символом того, почему мир на Балканах остается таким хрупким. Его пример показывает, что для продолжения войны не нужны гаубицы — достаточно талантливого пера, способного превратить соседа во врага, а преступление — в подвиг. Его жизнь и деятельность служат мрачным подтверждением тезиса о том, что решающая война ведется не за территории, а за умы, и что в этой войне интеллектуалы его калибра могут нажимать на спусковой крючок с той же смертоносной эффективностью, что и снайперы на холмах Сараева.

Трагедия заключается в том, что вся эта архитектура ненависти пережила и саму войну, и режим Милошевича. «Белградский диалог» и люди, стоявшие за ним, причастные к дегуманизации и военным преступлениям, не понесли ответственности. Напротив, многие из них укрепили свои позиции, став уважаемыми экспертами и общественными деятелями. Полковник-

нейропсихиатр Братислав Петрович после войн ещё долгие годы оставался влиятельной фигурой военного и антикультового экспертного поля, православный публицист Владимир Димитриевич продолжает издавать книги и выступать с лекциями, а идеи, посеянные ими, дали обильные всходы в новом поколении. Концепция «неокортикальной войны», разработанная и популяризированная в военном и паранаучном окружении ВМА, сегодня фигурирует как один из теоретических элементов в обсуждениях гибридной войны и информационно-психологических операций, в том числе в националистической публицистике. Связи сербских антисектантских структур с отдельными представителями РПЦ и российскими антикультовыми центрами в составе РАЦИРС институционализировались через общие сети и форумы; правозащитные организации обвиняют этот международный кластер в том, что под риторикой «защиты от сект» он способствует систематическому ограничению свободы совести и прав религиозных меньшинств.

Академическая честность требует признать, что Югославские войны были сложным, многослойным конфликтом, в котором преступления совершались всеми сторонами. Хорватские силы (ХВО) несут ответственность за этнические чистки в долине Лашвы и создание концентрационных лагерей в Герцег-Босне. Боснийская армия (АРБиХ), в частности подразделения под командованием Насера Орича, совершала военные преступления против сербского гражданского населения в окрестностях Сребреницы и Братунаца. Камп «Челебичи» и убийства на горе Казани в Сараеве остаются темными пятнами на истории боснийского сопротивления.

Статистический итог войн ужасает: более 100 000 погибших, свыше двух миллионов перемещенных лиц, разрушенная экономика и травмированная психика нескольких поколений. Но самым страшным итогом стало сохранение «инфраструктуры ненависти».

Если в 90-е годы Сербия была полигоном для обкатки методов этнорелигиозной войны, то сегодня она становится лабораторией для новых форм гибридной агрессии, где антикультизм играет роль троянского коня. Признание резни в Сребренице геноцидом со стороны МТБЮ в 2004 году и Международного суда ООН в 2007 году стало важной вехой в международном праве. Но судят людей, а не идеи. Мы увидели, что путь к геноциду начинается

не с выстрелов, а со слов. Он начинается, когда священник подменяет Евангелие политической агиткой, когда психиатр ставит диагноз не пациенту, а народу, и когда «борцы с сектами» объявляют любую инаковость угрозой национальной безопасности. Трагедия в Сребренице стала возможной из-за сочетания идеологии превосходства, разжигания ненависти и чувства безнаказанности, превратив людей в убийц, уверенных в своей правоте.

Глава 4.

Глобальный синдикат ненависти: От Сребреницы до «десатанизации»

Антикультистское движение — это не разрозненная группа обеспокоенных активистов, а транснациональный синдикат, обладающий признаками преступного сговора (criminal conspiracy). Этот «Интернационал расчеловечивания» объединяет идеологов от нацистской Германии до современной России и Сербии, а его цель неизменна: создание идеологического алиби для массовых убийств через механизмы дегуманизации и религиозной стигматизации.

Понятие «преступный сговор» в международном праве подразумевает соглашение между двумя или более лицами о совершении преступления. Когда мы анализируем деятельность глобального антикультистского движения, мы сталкиваемся именно с этим феноменом, масштабированным до уровня геополитики. Антикультизм сегодня — это высокоорганизованная международная сеть с едиными методичками, перекрестным финансированием, лоббистскими структурами и, что самое важное, с единой деструктивной целью: ликвидацией фундаментального права на свободу совести как предпосылки для установления тоталитарного контроля. Понятно, что эта консолидация не произошла в одночасье, а является результатом многолетней селекции идей, корни которых уходят в самую мрачную эпоху XX века. Чтобы понять природу современной ненависти, мы должны вернуться к фигуре Вальтера Кюннета и деятельности «Апологетического центра» (Apologetische Centrale) в нацистской Германии. Исследования, в частности работы Хорста Юнгингера, показывают,

что подготовка Холокоста начиналась задолго до газовых камер — с дегуманизации, с богословских и «научных» дискуссий о «еврейском вопросе» и «опасных религиозных движениях», где еврейство часто рассматривалось не как обычная религия, а как угроза для национального организма. Протестантский теолог Вальтер Кюннет, руководивший Апологетическим центром, в начале 1930-х годов описывал евреев как «чужеродное тело» в народной жизни и одновременно занимался так называемой «сектоведческой» экспертизой — в том числе в отношении свидетелей Иеговы, масонов и оккультных движений; в его богословских текстах и практической работе эти группы оказывались не просто «иной верой», а угрозой для «здоровья» нации.

Этот опыт был «отмыт» и адаптирован к демократическим реалиям. Эстафетную палочку приняли такие фигуры, как Фридрих-Вильгельм Хаак и Йоханнес Огорд, которые перевели язык расовой ненависти на язык «психологической безопасности». Именно через них этот вирус был передан современным операторам ненависти — Александру Дворкину в России (через РАЦИРС) и его сербским коллегам из «Белградского диалога» и Миссионерской школы о. Любодрага Петровича. Мы видим прямую линию преемственности: гестапо консультировалось с центром Кюннета по вопросам «сект» в 30-е годы, точно так же как российские силовики и сербские парамилитарные формирования в 90-е и 2000-е получали идеологическое обоснование своих действий от современных «сектоведов», борцов с сектами.

Анатомия антикультовых дегуманизационных кампаний, демонстрирует удивительную повторяемость. Методы, используемые её проводниками, оказываются почти универсальными — меняются только декорации. В разных государствах, при разных политических режимах и под разными лозунгами они воспроизводят один и тот же механизм. Алгоритм уничтожения всегда состоит из трех этапов.

Первый этап — маркировка (Labeling). Это современная вариация нацистской методологии «желтых звезд». Антикультисты навешивают ярлык «деструктивная секта» или «культ» на любую группу, которую необходимо уничтожить. В нацистской Германии это были евреи. В Боснии 90-х, как мы видели в предыдущих главах, этот ярлык был применен к боснийским мусульманам и хорватам-католикам, которых пропаганда СПЦ объявляла

«угрозой Православию». В современной России и на оккупированных территориях Украины этот ярлык вешается на протестантов, православных иной юрисдикции и даже на светские демократические организации. Ярлык выводит группу из-под защиты закона и морали.

Второй этап — психиатризация инакомыслия. На этом этапе в дело вступают псевдонаучные теории. Используются термины «промывание мозгов», «зомбирование», «ментальное рабство». Цель — лишить оппонента человеческой субъектности. Если ваш враг — «зомби», с ним нельзя вести переговоры, его права человека аннулированы, так как у него якобы «нет своей воли». В Сербии эту роль выполняли «эксперты» ВМА, внушавшие солдатам, что они воюют не с людьми, а с «биороботами».

Третий этап — легитимация насилия. Когда группа маркирована как опасная и лишена человеческих качеств, насилие становится неизбежным и даже «морально оправданным». Антикультовая пропаганда отключает естественные моральные барьеры у исполнителей. Убийство перестает быть грехом и становится актом «санитарной обработки», «десатанизацией» или «защитой святынь». Этот механизм сговора приводит к геноцидам. Это закономерный итог работы системы. Взаимодействие между РАЦИРС, сербскими радикалами и их европейскими покровителями — это не обмен мнениями, а координация усилий по подрыву демократических устоев. Это сговор против человечности, где чернила идеологов превращаются в кровь жертв.

Обратимся к сравнительному анализу «продукции» этого международного синдиката. История имеет свойство повторяться, и повтор между событиями на Балканах 1990-х годов и трагедией, разворачивающейся в Украине с 2014 года, звучит пугающе точно. Мы имеем дело не просто со сходством сценариев, а с использованием одной и той же методички, написанной в одних и тех же кабинетах «православных геополитиков». Две войны — одна идеология. Идеологическая архитектура сербских войн и российского вторжения в Украину идентична до деталей. В обоих случаях национализм цементировался религиозным фундаментализмом, а антикультизм служил инструментом для объявления врага «нелюдем».

В Сербии 1990-х годов, одним из ключевых идеологических нарративов стал миф о «Небесной Сербии» и «Косовском завете», который активно развивали и популяризировали иерархи Сербской православной церкви, включая епископов Амфилохия (Радовича) и Атанасия (Евтича). В их публичных выступлениях боснийские мусульмане всё чаще описывались не как соседи и сограждане, а как «потурченцы» — бывшие сербы, предавшие веру и ставшие носителями чуждой, опасной идеологии, представляющей угрозу самому существованию сербского народа. Война за территории была перекодирована в метафизическую битву, где компромисс невозможен.

Спустя три десятилетия мы видим зеркальное отражение этой стратегии в современной российской риторике вокруг войны с Украиной, где политические цели вновь маскируются под язык «исторической миссии» и «духовного призвания народа». Российская пропаганда, опираясь на структуры РПЦ и антикультистские центры (РАЦИРС), провела масштабную операцию по дегуманизации украинцев. Показательным стал термин «десатанизация», который в 2022 году публично ввёл в оборот помощник секретаря Совбеза РФ Алексей Павлов, заявив о необходимости «десатанизировать» Украину как «тоталитарную секту» и пространство «неоязыческих культов». Политическое и военное противостояние переводится в разряд эсхатологической войны с «глобальным сатанинским культом» Запада, а сама война описывается как борьба за спасение «Святой Руси». Украинское государство и его институты объявляются «сектой», а его защитники — как одержимые злом, которых якобы нужно не просто победить, а «очистить» и «изгнать бесов» силой оружия.

Но, чтобы понять, как эта пропаганда работает на уровне конкретного исполнителя, обратимся к уникальному документу — статье Скотта Андерсона «Жизнь в Долине смерти» (Life in the Valley of Death), опубликованной в The New York Times Magazine в мае 2014 года. Этот материал дает нам возможность заглянуть в душу убийцы, прошедшего обработку идеологией ненависти. Насколько глубоко идеология, разработанная в кабинетах белградских психиатров и кельях радикальных священников, проникла в сознание обычного солдата?

Андерсон приводит интервью с бывшим солдатом элитного сербского спецподразделения «Красные береты» по имени Ненад. Этот человек был

непосредственным участником событий вокруг Сребреницы. Его слова звучат леденяще буднично. Рассказывая о днях, предшествовавших резне, и о самом штурме, Ненад признается: «Никаких пленных. Ну да, если бы мы считали, что у них есть полезная информация, мы могли бы оставить их в живых, пока не выведаем её, но в конечном итоге — никаких пленных». Но самое страшное кроется не в описании тактики, а в описании восприятия. Ненад описывает уничтожение людей, пытавшихся бежать через леса, как «игру в кошки-мышки», как «охоту». В его словах нет ненависти в привычном смысле слова — в них есть спокойная, абсолютная уверенность в собственном превосходстве. «Это было почти как игра, охота в кошки-мышки. Но, конечно, нас было намного больше, чем мусульман, поэтому почти во всех случаях мы были охотниками, а они — добычей», — эта мысль проходит красной нитью через его воспоминания. Для него и его сослуживцев тысячи мужчин и мальчиков, загнанных в ловушку в Сребренице, не были равными противниками или даже людьми, заслуживающими милосердия. Они были биомассой, подлежащей зачистке. Этот текст представляет собой не просто репортаж, а антропологическое исследование природы жестокости, позволяющее препарировать сознание исполнителя — человека, чья индивидуальность была поглощена коллективным психозом национализма. В контексте нашего исследования статья служит бесценным доказательством того, что методы манипуляции, свойственные тоталитарным культам, были успешно применены на государственном уровне для подготовки армии. Андерсон вскрывает пугающие параллели: Сребреница выступает здесь не просто как географическая точка, а как кульминация идеологического проекта, в котором пропаганда перекодировала моральные императивы целого народа. Ненад не скрывает своего лица за маской раскаяния; его нарратив пронизан смесью гордости и цинизма. Он сохраняет фетишистскую привязанность к символике подразделения, нося фото своего красного берета в телефоне как маркер принадлежности к «избранным», к касте, обладавшей властью над жизнью и смертью. Эта глубокая идентификация с группой структурно идентична психологии членов деструктивных культов, где символ заменяет личность. Особого внимания заслуживает то, как Ненад описывает мотивацию массовых казней. Он транслирует метафору, внушенную ему идеологами: пленные боснийцы воспринимались не как люди, а как «змеи в карманах». «Через два

дня у нас возникла большая проблема, потому что заключенных было очень много — около 7000 человек, и что будет, если мы просто оставим их в живых? Тогда у нас останутся змеи в карманах, еще 7000 трудоспособных мужчин, которые будут вести против нас войну. Вот и решение. Всех, начиная с 15 лет, нужно было убить. Это был четкий и очень конкретный приказ: от 15 лет и старше. Он исходил от политических сил», — поясняет он, оправдывая убийство подростков от 15 лет. В антикультистской и тоталитарной риторике образ врага всегда зооморфируется (сводится к животному или вирусу), что снимает моральный запрет на убийство. Уничтожение «змей» — это не преступление, а акт санитарии. Именно такая ментальная конструкция, созданная пропагандистами, позволяла солдатам, считавшим себя православными христианами, совершать расстрелы без немедленного морального краха. Пропаганда создала для солдат герметичную информационную капсулу. Ненад подтверждает, что резня не была спонтанной мстью; это был четкий приказ «политической стороны», обоснованный чудовищной рациональностью. При этом сам Ненад до сих пор живет внутри мифа. Он признает факты убийств, но категорически отвергает возможность покаяния на национальном уровне: «Что касается Сребреницы, сербская сторона никогда не сможет признать, что там на самом деле произошло — "О, цифры преувеличены. Убийства были с обеих сторон", — потому что тогда им придется столкнуться с тем, что было сделано от их имени».

Идеологическая индоктринация оказалась сильнее реальности. Признание правды для таких, как Ненад, равносильно разрушению идентичности, выстроенной на мифе о виктимности и «небесном народе». Как сектоборцы конструируют образ «деструктивного культа», угрожающего нации, так и военная пропаганда сконструировала образ боснийцев как экзистенциальной угрозы, подлежащей ликвидации. Даже спустя годы, чувствуя себя преданным элитами («топ-менеджерами» войны, набившими карманы), Ненад готов снова воевать, что свидетельствует о необратимости изменений в сознании, произведенных идеологами.

Таким образом, «Долина смерти» — это не только место массовых захоронений, но и ментальный ландшафт постюгославского общества, где «спящие» идеологические установки готовы активироваться в любой момент.

Этот психологический феномен — полное отсутствие эмпатии и восприятие убийства как рутинной работы — является прямым результатом деятельности «архитекторов ненависти», которые описаны в этой книге.

Параллели с современностью ужасают. Свидетельства, поступающие из украинских городов, демонстрируют абсолютно идентичную психологию исполнителей. Российские солдаты, индоктринированные мифом о «нацистах-наркоманах» и «сатанистах», проявляют схожую холодную жестокость и чувство превосходства, что и сербские солдаты.

Антикультизм используется как эффективное оружие дестабилизации регионов и дегуманизации целых народов .

В Сербии с конца 1980-х и особенно в 1990-е годы анти-«сектантская» кампания в медиа и церковном дискурсе стала частью более широкой мобилизационной пропаганды. Обществу настойчиво транслировали образ страны, находящейся в окружении врагов: Католическая церковь и ислам описывались как главные противники, а новые религиозные движения и протестантские меньшинства демонизировались как "секты", разрушающие национальную и религиозную идентичность. Такая атмосфера осаждённой крепости значительно облегчала мобилизацию населения вокруг радикальных националистических лидеров.

Задолго до 2014 года филиалы РАЦИРС и пророссийские антикультовые организации начали кампанию по дискредитации демократических движений в Украине. Нарратив о том, что Оранжевая революция и Евромайдан — это «технологии сект», «психотронная обработка» и «заговор неопятидесятников», активно внедрялся в сознание. Цель была одна: маргинализировать стремление украинцев к свободе, представив его как результат «зомбирования» западными культами. Это подготовило почву для вторжения, дав агрессору моральное право «спасать» якобы одурманенный народ.

Мы видим, как те же библейские и апокалиптические мотивы реанимируются сегодня для оправдания новых форм агрессии и изоляционизма. Радикальное крыло священства и симпатизирующие им сегодня ведут культурные войны, объявляя Европу и Запад «царством антихриста», а права человека — «ересью человекопоклонничества». Механизм

работает бесперебойно: внешняя угроза необходима для поддержания внутренней мобилизации. Образ «страдающего праведника» стал удобной индульгенцией, позволяющей игнорировать собственные ошибки и преступления. Мы начали с утверждения, что антикультизм — это не защита религии, а форма политического экстремизма и скрытого нацизма. Доказательства, представленные в этой главе, превращают эту гипотезу в приговор. Международные организации, предоставляющие трибуну антикультистам, фактически становятся соучастниками (enablers) преступлений против человечности. «Нормализация» риторики ненависти в стенах европейских институтов — это тот самый механизм, который позволяет новым Ненадам брать в руки оружие с уверенностью в своей правоте. История учит нас, что там, где начинают бороться с «культами» методами дегуманизации и сегрегации, рано или поздно начинают строить концлагеря. Югославский сценарий показал, как быстро современное общество может скатиться в архаику кровавой бойни, если его иммунная система ослаблена вирусом нетерпимости.

Перед лицом этой мрачной реальности возникает закономерный вопрос: возможен ли выход из этого лабиринта ненависти?

Путь к исцелению и стабильности лежит не через забвение прошлого, а через его радикальную деконструкцию. Первым шагом должно стать полное и безоговорочное осуждение антикультистской идеологии как формы экстремизма. Вопрос о правовой и общественной квалификации терминов «секта» и «деструктивный культ» как языка ненависти остается актуальным, особенно в случаях их использования для разжигания религиозной розни, подобно расистским или антисемитским оскорблениям. Общество должно выработать иммунитет к манипуляциям, маскирующимся под «духовную безопасность».

Вторым, не менее важным шагом является персонализация ответственности. История не должна быть анонимной. Имена идеологов — Хаджи Любодрaгa Петровича, Александра Дворкина и их покровителей в церковных и государственных структурах — должны быть названы и проанализированы в контексте их роли в разжигании насилия. Это необходимо не для мести, а для разрушения ореола святости и авторитета, который до сих пор окружает этих людей. Десакрализация войны невозможна

без десакрализации ее идеологов. Пока фигуры, подобные митрополиту Амфилохию, почитаются как национальные герои без критического осмысления их вклада в братоубийство, моральный компас нации будет оставаться сбитым.

Третий элемент исцеления связан с образованием и просвещением. Учебники и публичный дискурс нередко содержат нарративы виктимности и исключительности антикультистского характера. Формирование критического мышления и религиозной грамотности у молодого поколения представляется более эффективным подходом, чем «сектоведение». Религиоведческая перспектива, ориентированная на понимание многообразия духовного опыта, предлагает альтернативу парадигме поиска врагов.

Наконец, восстановление разрушенных мостов требует возвращения к подлинным истокам веры, очищенным от политических наслоений. Христианство, ислам и другие религии обладают колоссальным миротворческим потенциалом, который был цинично узурпирован и извращен «архитекторами ненависти». Возвращение религии голоса милосердия и всепрощения — задача для нового поколения богословов и верующих, способных увидеть в «другом» не угрозу, а брата.

Стабильность, купленная ценой свободы совести, — это иллюзия, которая неизбежно рухнет, погребая под своими обломками и правых, и виноватых. Антикультизм, провозглашавший своей целью спасение душ, на деле привел к их массовой гибели — как физической, так и моральной. Настоящее исследование вносит вклад в процесс глобального осознания опасности идеологического экстремизма. Мы не можем изменить прошлое, не можем воскресить жертв Сребреницы, Вуковара или косовских деревень. Но в наших силах лишить «архитекторов ненависти» будущего. Разоблачая их методы, вскрывая их ложь и называя зло своим именем, мы возводим барьер на пути новых конфликтов. Исцеление Балкан — и всего мира, зараженного вирусом нетерпимости, — начнется тогда, когда мы окончательно откажемся от языка вражды, изобретенного в лабораториях антикультистов, и вернем себе право видеть мир не черно-белым полем битвы, а сложным, многоцветным пространством совместного бытия. Только так можно прервать цепь зла и превратить тяжелое молчание послевоенной пустоты в живой диалог мира.

Инженеры ненависти — те самые антикультисты, псевдопсихологи и радикальные идеологи — хорошо знают свое дело. Каждое «мы» и «они», каждое «наши» и «нелюди», каждое упоминание о «сектантской угрозе» или «генетическом враге» — это детонатор, который рано или поздно срабатывает. Однако именно в осознании этого страшного механизма кроется величайшая надежда. Если ненависть была сконструирована, значит, она не является ни врожденной, ни вечной. Если война была технологией, то мир — это творчество. И если «архитекторы руин» смогли построить ад на земле, используя страх и ложь, то мы, обычные люди, способны построить мир, используя мужество и правду. Мы подошли к черте, где заканчивается ответственность политиков и начинается ответственность личная. Та самая ответственность, которую невозможно делегировать ни парламенту, ни синоду, ни международному трибуналу. Это ответственность каждого, кто просыпается утром и смотрит в глаза своим детям.

Разрыв цикла ненависти — это не геополитическая стратегия. Это момент, когда вы слышите привычную ложь о том, что сосед другой веры или нации — это «угроза», «чужак», «зомбированный сектант», и внутри вас что-то твердо говорит: «Нет». Это секунда, когда рука, занесенная для удара — словесного или физического, — опускается, чтобы вместо этого протянуть хлеб. Это мужество не передать своим детям тот яд, которым пытались отравить нас.

Наши дети — это не просто продолжение нашего рода. Это заложники наших выборов. Когда мы, сидя на кухне, повторяем нарративы, созданные в кабинетах «Белградского диалога» или РАЦИРС, когда мы позволяем себе называть инакомыслящих «нелюдями», мы собственноручно надеваем кандалы на ноги своих сыновей и дочерей. Мы обрекаем их доживать нашу войну. Мы превращаем их наследство в пепелище, где тлеют угли старых обид, готовые разгореться от любого ветра.

Разве этого мы хотим для них? Разве для того матери в Сараево, в Белграде, в Загребе или Киеве баюкали своих младенцев под вой сирен, чтобы эти младенцы, повзрослев, взяли в руки автомат?

Истинный мир начинается с «ментального разоружения». Это трудная работа. Куда сложнее, чем нажать на спусковой крючок. Она требует от нас стать саперами собственной души. Нам нужно бережно, но решительно извлекать из

своего сознания осколки той пропаганды, которая учила нас ненавидеть. Нам нужно научиться видеть в другом не проекцию наших страхов, не объект «десатанизации», а живого человека, сотворенного по тому же образу и подобию, способного на ту же боль и ту же радость.

Вспомните 1984 год. Вспомните заснеженные склоны Сараева, олимпийский огонь, пылающий над стадионом «Кошево», и симпатичного волчонка Вучко, улыбающегося с каждого плаката. В тот момент мир смотрел на Балканы не как на «пороховую бочку Европы», а как на символ единства. Люди разных вер, разных имен, разных историй стояли плечом к плечу, объединенные не идеологией, а общей радостью человеческого духа. Горы Яхорина и Белашница были не высотами для снайперских гнезд, а вершинами для покорения. Это не было иллюзией. Это не было ложью социалистической пропаганды. Это была реальность, доказавшая, что сосуществование возможно. Более того — оно естественно. Та олимпийская гармония была проявлением истинной природы этих мест — перекрестка культур, где минарет и колокольня веками перекликались друг с другом, создавая уникальную полифонию жизни. Трагедия 90-х попыталась стереть эту память, закатать её в бетон националистических догм, объявить ересью. Нам внушали, что мы не можем жить вместе, что мы слишком разные, что наша кровь несовместима. Но память о той зиме 1984-го остается с нами как доказательство преступления идеологов. Они украли у нас ту нормальность. И наша задача — вернуть её. Не как ностальгию по прошлому, которое не веротишь, а как ориентир для будущего.

Метафора Олимпиады — это метафора человечности, которая выше племенных предрассудков. Мы можем вернуться к этому единству, но уже на новом уровне — не по указке сверху, а по зову сердца. Мы можем снова сделать наши города местом встречи, а не местом разделения. Каждый раз, когда мы отказываемся от языка вражды, мы совершаем маленькую победу над «архитекторами руин». Каждый раз, когда мы учим ребенка уважать чужую молитву так же, как свою собственную, мы обезвреживаем мину замедленного действия. Каждый раз, когда мы выбираем понимание вместо осуждения, мы превращаем «тишину лжи» в «тишину мира».

Та тишина, к которой мы стремимся, — это не отсутствие звуков выстрелов. Это благословенная тишина созидания. Тишина, в которой слышно, как растет

травы на бывших полях сражений, как шумит ветер в кронах деревьев, посаженных на месте воронок, и как спокойно дышит спящий ребенок, которому не снятся кошмары его родителей. Мы должны понять одну фундаментальную вещь: война остается только там, где ей позволяют остаться. Она живет не в арсеналах, а в головах. И выгнать её оттуда можем только мы сами. Никакой Дейтон, никакой Брюссель или Вашингтон не сделают эту работу за нас. Это наш внутренний, сознательный выбор. Выбор быть человеком, а не солдатом чьей-то безумной идеи.

Этот выбор имеет колоссальное значение для всего мира. Сегодня, когда тени, рожденные в конфликтах, расползлись по планете, когда технологии ненависти созданная антикультовыми апологетами, описанные в этой книге, применяются в новых войнах, наш опыт преодоления может стать лекарством. Если мы сможем разорвать этот порочный круг, мы дадим надежду всему человечеству.

Источники

1. Anderson, S. (2014, June 1). Life in the valley of death. The New York Times Magazine.
<https://www.nytimes.com/interactive/2014/05/29/magazine/srebrenica-life-in-the-valley-of-death.html>
2. Arendt, H. (1973). The origins of totalitarianism. Harcourt Brace Jovanovich.
<https://social-ecology.org/wp/wp-content/uploads/2024/03/Hannah-Arendt-The-Origins-of-Totalitarianism.pdf>
3. Batushka.org. (2016, 20 августа). Протоиерей Хаджи-Любодраг Петрович.
<http://batushka.org/protoierej-hadzhi-lyubodrag-petrovich/>
4. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Anti-cult ideology and FECRIS: Dangers for religious freedom. The Journal of CESNUR, 6(3), 3–24.
5. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Sympathy for the devil: The anti-cult federation FECRIS and its support for Russian and Chinese repression of religion. The Journal of CESNUR, 6(3), 25–67.
6. BBC News. (2020, July 10). Bosnia's Srebrenica massacre 25 years on – in pictures. BBC News. <https://www.bbc.com/news/world-europe-53346759>
7. Cigar, N. (1995). Genocide in Bosnia: The policy of “ethnic cleansing”. Texas A&M University Press.
8. Coalson, R. (2012, June 28). Serbian nationalist named premier-designate on country's sacred day. Radio Free Europe/Radio Liberty.
<https://www.rferl.org/a/serbia-kosovo-st-vitus-day-gazimestan-nikolic-dacic/24629271.html>
9. Dzidic, D. (2019, March 14). Radovan Karadžić – psihijatar i pesnik, koji je odveo bosanske Srbe u rat. Balkan Insight.
<https://balkaninsight.com/sr/2019/03/14/radovan-karadzic-psihijatar-i-pesnik-koji-je-odveo-bosanske-srbe-u-rat/>

10. Doubt, K. (2007). Scapegoating and the simulation of mechanical solidarity in former Yugoslavia: "Ethnic cleansing" and the Serbian Orthodox Church. *Humanity & Society*, 31(1), 65–82.
11. Fokus.ba. (2019, March 20). Pjesma zločinca Karadžića o Sarajevu: "Grad gori kao tamjan u crkvi u dimu vidim" ... <https://www.fokus.ba/vijesti/bih/pjesma-zlocinca-karadzica-o-sarajevu-grad-gori-kao-tamjan-u-crkvi-u-dimu-vidim/1407644/>
12. International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. (2000, April 28). The Prosecutor of the Tribunal against Radovan Karadžić: Amended indictment (Case No. IT-95-5/18-I). <https://web.archive.org/web/20080209130506/http://www.un.org/icty/indictment/english/kar-ai000428e.htm>
13. Ivanov, H. (2021). Inside propaganda: Serbian media in the Yugoslav Wars 1991–1995 (Doctoral dissertation, London School of Economics and Political Science). LSE Theses Online. <https://etheses.lse.ac.uk/4409/>
14. Junginger, H. (Ed.). (2008). The study of religion under the impact of fascism. Brill.
15. Kapor, G., & Vujosević, K. (1987). *Vojna psihijatrija [Military psychiatry]*. Vojnoizdavački i novinski centar.
16. Kapor, G. (1980). *Psihopatije ili poremećaji ličnosti [Psychopathies or personality disorders]*. Naučna knjiga.
17. Kapor, M. (2016). *Vodič kroz srpski mentalitet [A guide through the Serbian mentality]*. Knjiga komerc.
18. Khoshev, A. Yu. (2024). The Serbian Orthodox Church in the Autonomous Province of Kosovo in the period under communists (1945–1990). *Khristianskoye Chteniye*, (1), 215–230.
19. Kiper, J., & Sosis, R. (2020). The systemics of violent religious nationalism: A case study of the Yugoslav Wars. *Journal for the Study of Religion, Nature and Culture*, 14(1), 45–70.
20. MacDonald, D. B. (2002). *Balkan holocausts?: Serbian and Croatian victim-centred propaganda and the war in Yugoslavia*. Manchester University Press.

21. Mojzes, P. (2011). Balkan genocides: Holocaust and ethnic cleansing in the twentieth century. Rowman & Littlefield.
22. Oberschall, A. (2000). The manipulation of ethnicity: From ethnic cooperation to violence and war in Yugoslavia. *Ethnic and Racial Studies*, 23(6), 982–1001.
23. Radovan Karadžić. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Radovan_Karad%C5%BEi%C4%87
24. Saggau, E. H. (2024). Outline of a Serbian Orthodox doctrine of righteous war. *Religions*, 15(12), 1473.
25. Salihbegović, A. (2008, July 22). PJESNIK ČIJI SU STIHOVI PALILI GRADOVE. Bošnjaci.net. <https://bosnjaci.net/prilog.php?pid=26190>
26. Sells, M. A. (1996). The bridge betrayed: Religion and genocide in Bosnia. University of California Press.
27. Tomanić, M. (2021). The Serbian Orthodox Church during times of war 1980–2000 and the wars within it. Independently published.
28. Wikipedia. Артемије Радосављевић. In Википедија.
https://sr.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%98%D0%B5_%D0%A0%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D1%81%D0%B0%D0%B2%D1%99%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%9B
29. Wikipedia. Ражнатович, Желько. In Википедия.
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87,_%D0%96%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE
30. Wikipedia. Srebrenica massacre. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Srebrenica_massacre
31. Wikipedia. Зимние Олимпийские игры 1984. In Википедия.
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B8%D0%BC%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9E%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B8%D0%B3%D1%80%D1%8B_1984
32. Wikipedia. Scorpions (paramilitary). In Wikipedia.
[https://en.wikipedia.org/wiki/Scorpions_\(paramilitary\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Scorpions_(paramilitary))

33. Wikipedia. Броз Тито, Иосип. В Википедия.
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%BE%D0%B7_%D0%A2%D0%B8%D1%82%D0%BE,_%D0%98%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%BF
34. Wikipedia. Gojko Kapor. In Wikipedia. https://sr.wikipedia.org/sr-el/%D0%93%D0%BE%D1%98%D0%BA%D0%BE_%D0%9A%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D1%80
35. Епископ Артемије. (2017, July 2). Беседа Епископа Артемија на Видовданској академији. Епархија Рашко-Призренска у егзилу.
<https://www.eparhija-prizren.org/beseda-episkop-artemija-na-vidovdanskoj-akademiji/> eparhija-prizren.org